

ДЖЕЙМС ХЭРРИОТ

Рассказы Джеймса Хэрриота
оставляют ощущение чуда.
Их можно перечитывать бесконечно...

Amazon

И всех
их создал
Бог

Азбука-бестселлер

Джеймс Хэрриот
И всех их создал Бог

«Азбука-Аттикус»

1981

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Хэрриот Д.

И всех их создал Бог / Д. Хэрриот — «Азбука-Аттикус»,
1981 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-19907-1

Добродушный юмор, меткая наблюдательность и блестящий дар рассказчика Джеймса Хэрриота вот уже несколько десятилетий завоевывают все новых читателей, не переставая удивлять, насколько истории из практики «коровьего лекаря» могут быть интересными. Смешные и бесконечно трогательные истории о животных Хэрриот начал писать, когда ему было уже больше пятидесяти лет, но и став знаменитым английским писателем, Хэрриот еще долгие годы не оставлял ветеринарной практики. Сегодня его имя известно во всем мире, а его произведения переведены на десятки языков, по рассказам Хэрриота снято несколько фильмов и популярный телесериал. В Тирске, в доме писателя, основан музей, который каждый год посещают тысячи поклонников Хэрриота. В настоящем издании представлена книга «И всех их создал Бог», как и все остальные произведения автора, написанная с юмором и бесконечной любовью к его четвероногим пациентам.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19907-1

© Хэрриот Д., 1981
© Азбука-Аттикус, 1981

Содержание

Бычки мистера Рипли	6
Мнимые болезни собачки Мергл	14
Новое и старое	21
С овцами в Россию (1)	25
Мой пятилетний помощник Джимми	29
Как ловить скотину за ухо	34
С овцами в Россию (2)	38
Кесарево сечение коровы Беллы	40
С овцами в Россию (3)	48
Твердый принцип Роберта Максвелла	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Джеймс Хэрриот И всех их создал Бог

James Herriot

THE LORD GOD MADE THEM ALL

Copyright © The James Herriot Partnership, 1981

Перевод с английского Ирины Гуровой

Азбука-бестселлер

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Иллюстрация на обложке Вячеслава Коробейникова

© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1989

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Бычки мистера Рипли

Когда на меня упали ворота, я всем своим существом понял, что действительно вернулся домой.

Мои мысли без труда перенеслись через недолгий срок службы в авиации к тому дню, когда я последний раз приезжал на ферму мистера Рипли – «пощипать пару-другую теляток», как выразился он по телефону, а точнее, охолостить их бескровным способом. Прощай утро!

Поездки в Ансон-холл всегда напоминали охотничьи экспедиции в африканских джунглях. К старому дому вел разбитый проселок, состоявший из одних рытвин и ухабов. Он петлял по лугам от ворот к воротам – всего их было семь.

Ворота – одно из тягчайших проклятий в жизни сельского ветеринара, и до появления горизонтальных металлических решеток, для скота непроходимых, мы в йоркширских холмах особенно от них страдали. На фермах их обычно бывало не больше трех, и мы кое-как терпели. Но семь?! А на ферме Рипли дело было даже не в числе ворот, но в их коварности.

Первые, преграждавшие съезд на узкий проселок с шоссе, вели себя более или менее прилично, хотя за древностью лет сильно проржавели. Когда я сбросил крюк, они, покряхтывая и постанывая, сами повернулись на петлях. Спасибо хоть на этом. Остальные шесть, не железные, а деревянные, принадлежали к тому типу, который в Йоркшире называют «плечевыми воротами».

«Меткое название!» – думал я, приподнимая очередную створку, поддевая плечом верхнюю перекладину и описывая полукруг, чтобы открыть путь машине. Эти ворота состояли из одной створки без петель, попросту привязанной к столбу веревкой у одного конца сверху и снизу.

Даже с обычными воротами хлопот выпадало предостаточно. Останови машину, вылез, открой ворота, влезь в машину, минуй ворота, снова останови машину, вылез, закрой за собой ворота. Но поездка в Ансон-холл требовала поистине каторжного труда. Чем ближе к дому, тем более ветхими становились эти адские изобретения, и, подпрыгивая на колдобинах, я приближался к седьмым, весь красный от работы, которую мне задали шестые. Но вот они – последние и самые грозные. Характер у них был преподлый и очень злобный. За многие-многое годы их столько раз латали и подправляли, жалея на них новые жерди, что, по всей вероятности, от первоначального материала не осталось ничего. И тем они были опасней.

Я вылез из машины и сделал несколько шагов вперед. С этими воротами у нас были старые счеты, и несколько секунд мы молча взирали друг на друга. В прошлом нам довелось провести несколько напряженных раундов, и в счете, бесспорно, вели они.

Кое-как сбитая, разболтанная створка к тому же висела на одной-единственной веревочной петле, расположенной посередине, а потому поворачивалась на весьма ненадежной оси с поистине сокрушающим эффектом.

Я осторожно приблизился к правой ее стороне и начал развязывать веревку, с горечью заметив, что она, как и все предыдущие, была аккуратно завязана бантом. Едва я дернул за конец, как створка высвободилась, и я поспешно вскинул руки к верхней перекладине. Но опоздал. Нижняя перекладина, будто живая, ловко и очень больно хлопнула меня по голени, а когда я попытался уравновесить створку, верхняя врезала мне по груди.

Всякий раз одно и то же! Я шажочек за шажочком повел створку по дуге, а перекладины лупили меня вверху и внизу. Да, поединок выходил неравный.

Без всякого удовольствия я заметил, что с крыльца дома за моими эволюциями благодушно наблюдает мистер Рипли. Все время, пока я боролся со створкой, он со вкусом попыхивал трубкой и не сдвинулся с места, пока я не подковылял по траве к крыльцу.

– А, мистер Хэрриот! Приехали пощипать моих теляток? – Щетинистые щеки пошли складками от широкой дружеской улыбки. (Брился мистер Рипли раз в неделю – в базарный день, – логично полагая, что в прочие шесть дней скрести лицо по утрам бритвой самое пустое дело. Кто же его видит-то, кроме жены и скотины?)

Я нагнулся и потер синяки на ногах.

– Мистер Рипли! Уж эти ваши ворота! Помните, в последний раз, когда я приезжал, вы мне свято обещали, что почините их? Вы, собственно, сказали, что поставите новые – уж давно пора! Ведь так?

– Что верно, то верно, молодой человек, – ответил мистер Рипли, согласно кивая. – Говорил я, как не говорить. Да ведь до таких мелочей руки все никак не доходят. – Он виновато усмехнулся, но тут же его лицо приняло выражение сочувственной озабоченности – я вздернул штанину и показал широкую ссадину на голени. – Ой-ой-ой-ой! Ну – конец! На следующей неделе будут тут стоять новые ворота. Уж ручаюсь вам.

– Но, мистер Рипли, вы слово в слово то же сказали, когда в тот раз увидели, что у меня колено все в крови. «Ручаюсь вам!» Я хорошо помню...

– Да знаю я, знаю. – Фермер прижал большим пальцем табак в чашечке и вновь запыхтел трубкой. – Хозяйка меня каждый день точит, что голова у меня дырявая, но вы не сомневайтесь, мистер Хэрриот, это мне хорошим уроком послужит. За ногу я у вас прощения прошу, а от ворот вам никакой больше досады не будет. Уж ручаюсь вам.

– Ну хорошо, – сказал я и захромал к машине за эмаскулятором¹. – А где телята?

Мистер Рипли неторопливо пересек двор и открыл нижнюю дверь стойла.

– Тут они.

Над бревнами перегородки ряд могучих косматых голов равнодушно взирал в мою сторону. Я прирос к земле, а потому указал на них дрожащим пальцем:

– Вы вот про этих?..

– Они самые и есть, – весело закивал фермер.

Я подошел поближе и заглянул в стойло. Их было там восемь – крепких годовалых бычков. Одни покосились на меня с легким интересом, другие продолжали взбрыкивать ногами, раскидывая солому.

Я повернулся к фермеру.

– Опять вы...

– А?

– Вы меня вызвали пощипать теляток. А это не телята, а взрослые быки! Помните, какие чудовища стояли у вас тут в прошлый раз? Я чуть грыжи не нажил – так пришлось давить на щипцы, и вы сказали, что в следующий раз охолостите их в три месяца. Сказали, что ручаетесь...

Фермер торжественно покивал. Он соглашался со всем без исключения, что бы я ни говорил.

– Верно, мистер Хэрриот, это самое я и сказал.

– Но им-то никак не меньше года!

Мистер Рипли пожал плечами и одарил меня бесконечно утомленной улыбкой.

– За временем-то разве уследишь? Так и летит, так и летит.

Я поплелся к машине за обезболивающим для местной анестезии.

– Ну ладно, – буркнул я, наполняя шприц. – Если сумеете их изловить, попробую что-нибудь сделать.

¹ Эмаскулятор (от лат. emasculo – оскопляю, кастрирую) – хирургический инструмент, используемый для кастрации животных.

Фермер снял со стены веревочную петлю и направился к дюжему бычку, что-то успокоительно бормоча. Бычок хотел было проскочить мимо, но петля на удивление ловко затянулась у него на морде и роге в точно выбранный момент. Мистер Рипли пропустил веревку сквозь кольцо в стене и туго ее натянул.

– Ну вот, мистер Хэрриот. Быстренько и без неприятностей, верно?

Я промолчал. Все неприятности предстояли мне. Я ведь работал в опасном тылу совсем рядом с копытами, которые, конечно, взметнутся вверх, если моему пациенту придется не по вкусу укол в семенник.

Но куда деваться? Вновь и вновь я анестезировал область мошонки, а копыта нет-нет да барабанили по моим рукам и ногам. Затем я приступил к самой операции – к бескровному разрушению семенного канатика без повреждения кожи. Бесспорно, это много удобнее старого способа с применением скальпеля, и на молоденького теленка тратятся какие-то секунды.

Другое дело – такие великаны. Чтобы захватить большую мясистую мошонку, эмаскулятор приходилось разводить чуть ли не в горизонтальное положение, а потом сжимать – из такой-то позиции! Тут и началось веселье.

После местной анестезии бычок ничего не чувствовал – или почти ничего, но я, тщетно стараясь свести ручки эмаскулятора, испытывал холодное отчаяние: задача казалась непосильной. Однако человеческие мышцы, если хорошенько поднапрячься, творят чудеса. По моему носу ползли капли пота, я пыхтел, жал из последних сил, металлические ручки мало-помалу сближались, и наконец щипцы со щелчком сомкнулись.

Я всегда накладываю их дважды с каждой стороны, поэтому, передохнув, повторил всю процедуру чуть ниже. Когда же было покончено и со второй стороной, я привалился к стене, ловя ртом воздух и стараясь не думать, что это только первый, что остается еще семь...

Прошло много, очень много времени, прежде чем наконец наступила очередь последнего. Глаза у меня вылезли на лоб, рот уже не закрывался, и тут меня осенило. Я выпрямился, встал сбоку от бычка и сказал сипло:

– Мистер Рипли, а почему бы вам самому не попробовать?

– А? – Все это время фермер невозмутимо наблюдал мои потуги, неторопливо выпуская изо рта сизые клубы табачного дыма, но такое предложение явно выбило его из колеи. – Как так?

– Видите ли, это последний, и мне хотелось бы, чтобы вы на опыте поняли, о чем я вам всегда говорил. Вот попробуйте сомкнуть щипцы.

Он немного поразмыслил.

– Так-то так, а кто будет скотину держать?

– Ерунда, – ответил я. – Привяжем его потуже к кольцу, я все подготовлю, и посмотрим, как получится у вас.

На лице фермера было написано легкое сомнение, но я решил настоять на своем и подвел его к хвосту бычка. Потом наложил эмаскулятор и прижал пальцы мистера Рипли к ручкам аппарата.

– Отлично, – сказал я. – Давайте!

Фермер набрал в легкие побольше воздуха, напряг плечи и начал давить на ручки. Ни малейшего эффекта.

Несколько минут я смотрел, как его лицо наливается кровью и из красного становится лиловым. Глаза у него выпучились почище моих, а вены на лбу рельефно вздулись. Вдруг он застонал и повалился на колени.

– Нет, милоч, ничего у меня не получится. Зря старался.

– А ведь, мистер Рипли, – я положил руку ему на плечо и ласково улыбнулся, – вы от меня требуете именно этого!

Он покорно кивнул.

– Ну ничего, – сказал я. – Теперь вы поняли, о чем я говорил. Простая, легкая работа превратилась в очень трудную только потому, что телята успели вырасти. Если бы вы меня вызвали, когда им было три месяца, я бы справился с делом в один момент, ведь так?

– Что верно, то верно, мистер Хэрриот. Ваша правда. Я дурака сваял и уж больше такого не допущу.

Я про себя возгордился. Особой изобретательностью я не блещу, но во мне крепло убеждение, что я нашел-таки способ пронять мистера Рипли.

От восторга силы мои удесятерились, и я благополучно закончил операцию. Шагая к машине, я упивался собственной находчивостью и совсем уж захлебнулся самодовольством, включив мотор, потому что фермер наклонился к окошку.

– Спасибо вам, мистер Хэрриот, – сказал он. – Вы меня нынче утром кое-чему научили. Когда приедете в следующий раз, будут вам новенькие ворота, и к таким зверюгам я вас тоже больше звать не буду. Уж ручаюсь вам.

Сколько же времени прошло с того утра? Ведь было это еще до моего ухода в армию. Но теперь я вновь свыкался с гражданской жизнью и вновь ощутил вкус многого, казалось бы прочно забытого. Впрочем, когда затрещивал телефон, я ощущал вкус, которого никогда не забывал, – дивный вкус обеда, приготовленного Хелен.

Воскресный обед включал традиционный ростбиф и йоркширский пудинг. Жена как раз положила на мою тарелку солидный ломоть пудинга и теперь поливала его мясным соусом неопишемого аромата. После типичного для ветеринара воскресного утра, занятого метаниями с фермы на ферму, я готов был съесть быка, и мне пришло в голову, как приходило уже не раз, что, доведись мне знакомить какого-нибудь иностранного гурмана с достоинствами английской кухни, я бы непременно угостил его йоркширским пудингом.

Бережливые фермеры в самом начале обеда набивали животы своих чад и домочадцев ломтями йоркширского пудинга под мясным соусом, пуская в ход лукавую прибаутку: «Кто больше пудинга съедает, тот больше мяса получает!» Последнее не вполне соответствовало истине, но само блюдо – божественно. Положив в рот первый кусочек, я предвкушал, как Хелен, когда я очищу тарелку, вновь ее наполнит говядиной, картошкой и утром сорванными у нас на огороде горохом и красной фасолью.

И вот тут в мои блаженные размышления врезался пронзительный звук телефона. «Нет, – сказал я себе твердо, – обеда мне ничто не испортит. Самый неотложный случай в ветеринарной практике как-нибудь да подождет, пока я не покончу со вторым блюдом».

Тем не менее трубку я взял трепетной рукой, а раздавшийся в ней голос вверг меня в мучительную тревогу. Мистер Рипли! О господи, только не это! Только не в Ансон-холл по ухабам и рытвинам! Ведь сегодня все-таки воскресенье.

А голос гремел мне в ухо. Мистер Рипли принадлежал к тем, кто был убежден, что по телефону обязательно надо кричать, иначе на таком расстоянии могут и не услышать.

– Ветеринар, что ли?

– Да. Хэрриот слушает.

– Так вы что, с войны вернулись?

– Вернулся.

– Ну так вы мне сию минуту требуется! Одна моя корова совсем плоха!

– А что с ней? Что-нибудь срочное?

– Да уж! Ногу сломала, не иначе!

Я отодвинул трубку от уха: мистер Рипли еще повысил мощность звука, и голова у меня гудела.

– Но почему вы так думаете? – спросил я, чувствуя неприятную сухость во рту.

– Так она же на трех ногах стоит! – проревел фермер. – А четвертая болтается вроде!

Черт, симптом самый зловещий. Я печально взглянул через стол на мою полную тарелку.

– Хорошо, мистер Рипли, я приеду.

– Сию минуту, а? Тянуть не будете?

– Нет. Сейчас и выезжаю.

Я положил трубку, потер ухо и повернулся к Хелен.

Она подняла голову, и я увидел страдальческое лицо женщины, которая живо рисует в воображении, как ее йоркширский пудинг оседает, превращаясь в бесформенные руины.

– Но на несколько минут ты ведь можешь задержаться?

– Прости, Хелен, только тут и секунды играют роль! – У меня перед глазами возникла корова, которая мечется от боли и еще больше повреждает сломанную ногу. – Да и он места себе не находит. Нет, нужно ехать немедленно!

У моей жены задрожали губы.

– Ничего. Поставлю его в духовку до твоего возвращения.

Выходя, я увидел, как Хелен взяла мою тарелку и повернулась к двери на кухню. Но мы оба знали, что это конец. Никакой йоркширский пудинг не продержался бы до моего возвращения. Ведь я ехал в Ансон-холл.

Я вырулил на улицу и прибавил газу. Рыночная площадь мирно дремала в воскресном покое, и солнце щедро лило свои лучи на булыжник, которого еще не касалась ничья нога. Все обитатели Дарроуби уписывали за закрытыми дверями свои праздничные обеды. Начались луга, и я вжал педаль газа в пол, так что каменные стенки только мелькали мимо, но вот уже пора сворачивать на проселок, и тут началось...

После демобилизации я ехал этой дорогой впервые и, видимо сам того не сознавая, ожидал каких-то перемен. Однако железные ворота остались почти прежними, только ржавчины на них заметно прибавилось. С нарастающим ощущением обреченности я проезжал деревянные ворота, развязывая веревки и перетаскивая створку на плече по дуге, пока не добрался до седьмых.

Эти последние, самые страшные ворота поджидали меня во всей своей прежней ветхости и несуразности. Подходя к ним почти на цыпочках, я отказывался верить глазам. С тех пор как я в последний раз созерцал эти ворота, мне довелось изведать много всего. Я обитал в совсем ином мире строевой подготовки, постижения штурманских премудростей и под конец – даже учебных полетов. А эта скрипучая махина стояла тут и в ус себе не дула.

Я внимательно осмотрел створку. Криво сбитые, разболтанные перекладины остались прежними, как и единственная веревочная петля. Даже веревка, наверное, была той же. Невежливо! Но тут я заметил кое-какую перемену: мистер Рипли, видимо опасаясь, как бы скот не завел привычку почесывать бока об этот древний бастион и не повредил его, позаботился украсить створку фестонами колючей проволоки.

Но может быть, время смягчило их натуру? Уж наверное, они не сохранили всей своей былой злобности! Я осторожно ослабил нижнюю веревку с правой стороны и с бесконечным тщанием развязал бант наверху. Уф! Кажется, обошлось! Но тут веревка упала, и створка размахнулась на левой петле со всей своей былой свирепостью.

Она ударила меня в грудь и сразу же хлопнула по ногам, но я почувствовал и кое-что новенькое: мне в ногу сквозь брючину впились железные колючки. Я отчаянно отбивался от створки, но она молотила меня то сверху, то снизу. Я откинулся, оберегая грудную клетку, ноги у меня подкосились, и я рухнул навзничь. Не успела моя спина соприкоснуться с грунтом, как створка лихо придавила меня сверху.

В прошлом я несколько раз чуть было не оказывался под ней, но успевал увернуться, и вот теперь ей наконец удалось меня накрыть. Я попытался выползти на свободу, но колючая проволока надежно меня удерживала. Я оказался в ловушке.

Мучительно выгнув шею, я поглядел поверх створки. До фермы было не больше сорока шагов, но там все словно вымерло. Странно! Где измученный тревогой хозяин? Я-то думал, что он мечется по двору, ломая руки! И вот нигде ни души.

Позвать на помощь? Но я тут же отказался от этой мысли: уж очень глупо все получилось. Оставалось одно... Я схватил верхнюю перекладину обеими руками и рывком приподнял ее, стараясь не слышать треска рвущейся одежды, а потом очень медленно выбрался из-под створки.

Ее я оставил валяться на земле. Обычно я с особым тщанием закрываю за собой все ворота, но на лугах не было скота, да и вообще меня не тянуло вступать со створкой в новое единообразие.

В ответ на мой стук дверь отворилась.

– А, мистер Хэрриот! Погодка-то какая! – сказала миссис Рипли, продолжая вытирать тарелку и одновременно пытаюсь одернуть передник на обширных бедрах, с беззаботной улыбкой («Совсем такой же, как у ее мужа», – вспомнилось мне).

– Да-да, отличная... Меня вызвали посмотреть вашу корову. Ваш муж дома?

Она покачала головой:

– Нету его. Еще не вернулся из «Лисы с гончими».

– Что?! – Я растерянно уставился на нее. – Это же трактир в Дайвертоне, верно? Но, насколько я понял, речь шла о чем-то неотложном...

– Так ведь он же пошел туда, чтобы вам позвонить. Телефона-то у нас нету. – Ее улыбка стала еще шире.

– Но... но ведь почти час миновал! Ему давно пора вернуться.

– Так-то так, – ответила она, согласно кивая. – Только ведь там он дружков-приятелей повстречал, не иначе. В воскресное-то утро они там все собираются.

Я запустил пятерню в волосы.

– Миссис Рипли, я из-за стола встал, чтобы добраться сюда побыстрее!

– Ну, мы-то уж отобедали, – ответила она мне в утешение. Впрочем, она могла бы мне этого и не объяснять: из кухни веяло аппетитным запахом жаркого, которому, конечно же, предшествовал йоркширский пудинг.

Я немного помолчал, а потом, глубоко вздохнув, буркнул:

– Так, может, я пока посмотрю корову? Скажите, будьте добры, где она?

– А вон! – Миссис Рипли показала на стойло в дальнем углу двора. – Пойдите поглядите на нее. Он скоренько вернется.

Меня словно кнутом ожгло. Жуткое слово! «Скоренько» в Йоркшире – выражение весьма употребительное и может означать любой промежуток времени, вплоть до двух часов.

Я открыл верхнюю створку двери и посмотрел на корову. Она, безусловно, охромела, но, когда я приблизился к ней, запрыгала по подстилке, тыча поврежденной ногой в пол.

Ну, кажется, обошлось без перелома. Правда, на ногу она не опиралась, но, с другой стороны, будь нога сломана, то болталась бы, а этого нет. Я даже вздохнул от облегчения. У крупных животных перелом почти всегда равносильен смертному приговору, потому что никакой гипс не способен выдержать подобное давление. Видимо, болезненным было копыто, но осмотреть приплясывающую корову в одиночку я не мог. Оставалось ждать мистера Рипли.

Я вышел на яркий солнечный свет и поглядел туда, где из-за деревьев над пологим склоном поднималась дайвертонская колокольня. На лугах не виднелось ни единой человеческой фигуры, и я уныло побрел на траву за службами, чтобы оттуда, хорошенько набравшись терпения, высматривать мистера Рипли.

Обернувшись, я взглянул на дом, и, несмотря на мое раздражение, на меня повеяло миром и покоем. Подобно многим другим старым фермам, Ансон-холл был когда-то господским домом в дворянском имении. Несколько сотен лет назад какая-то титулованная особа

построила себе жилище в на редкость красивом месте. Пусть крыша грозила вот-вот провалиться, а одна из высоких печных труб пьяно клонилась набок, окна в частых переплетах, изящная арка над дверью и благородные пропорции всего здания восхищали взгляд, как и пастбища, уходящие все выше и выше к зеленым вершинам холмов.

А эта очаровательная садовая стена! В былые дни ее залитые солнцем камни оберегали бы подстриженный газон, весь в ярких цветах, но теперь там буйствовала крапива. Ее густая чаща, высотой по пояс рослому мужчине, заполняла все свободное пространство между стеной и домом. Конечно, фермеры – из рук вон плохие садовники, но мистер Рипли был единственным в своем роде.

Мои размышления прервал голос хозяйки дома.

– Идет он, идет, мистер Хэрриот. Я его из окошка углядела! – Она выбежала на крыльцо и махнула рукой в сторону Дайвертона.

Да, она не ошиблась, ее муж действительно направлялся домой – по лугам медленно ползло крохотное черное пятнышко. Мы наблюдали за продвижением мистера Рипли минут пятнадцать, но вот наконец он протиснулся сквозь пролом в стене и направился к нам в колышущемся ореоле табачного дыма.

Я сразу перешел в нападение.

– Мистер Рипли! Право же, я жду очень долго. Вы ведь просили меня не терять ни минуты!

– Да знаю я, знаю. Только нельзя ж по телефону поговорить и не взять кружку пива, а? – Он наклонил голову и озарил меня улыбкой из неприступной твердыни своей правоты.

Я открыл было рот, но он меня опередил:

– А потом Дик Хендерсон угостил меня кружечкой, ну и мне пришлось его угостить, и только собрался уйти, как Бобби Толбот возьми и заговори про свинок, которых он купил на той неделе.

– Уж этот мне Бобби Толбот! – живо вмешалась его супруга. – Так, значит, и нынче он там сидит? Прилепился к трактиру, точно муха какая. И как только его хозяйка такое терпит!

– Ну да, и Бобби тоже там сидел. Он ведь оттуда, кажись, и не выходит. – Мистер Рипли задумчиво улыбнулся, выбил трубку о каблук и принялся снова уминать табак в чашечке. – А знаешь, кого еще я там видел? Дэна Томпсона, вот кого! Впервой после его операции. Ну и отощал он! Можно сказать, вдвое. Ему пару-тройку пива выпить – самое разлюбезное дело.

– Дэн, говоришь? – Миссис Рипли оживилась еще больше. – До чего я рада-то! А говорили, что ему из больницы живым не выйти...

– Извините... – перебил я.

– Да нет, так, попусту языками мололи, – продолжал мистер Рипли. – Камень в почке – всего и делов-то. Дэн уже совсем оклемался. Вот он мне, значит, сказал...

Я протестующе поднял ладонь:

– Мистер Рипли, могу ли я осмотреть корову? Я еще не обедал. Когда вы позвонили, жена убрала все в духовку.

– А я вот перво-наперво пообедал и уж потом туда пошел. – Мистер Рипли ободряюще мне улыбнулся, а его супруга закивала со смехом, чтобы окончательно меня успокоить.

– Чудесно! – сказал я ледяным тоном. – Я в восторге.

Но сарказм пропал втуне: они приняли мои слова за чистую монету!

Когда мистер Рипли наконец привязал корову, я приподнял больную ногу, положил к себе на колено, копытным ножом счистил грязь, и в косом солнечном луче тускло блеснул виновник беды. Я зажал его шляпку щипцами, выдернул и показал фермеру. Он поморгал, а потом его плечи затряслись.

– Так это же гвоздь из моего сапога! Как же оно так приключилось? На булыжнике, видать, поскользнулся, а он и выдернулся. Булыжник-то здесь склизкий. Раза два я чуть через задницу не перекувырнулся. Я уж и хозяйке говорил...

– Мне пора, мистер Рипли, – перебил я. – Как-никак я еще не обедал, вы помните? Только схожу к машине за антистолбнячной сывороткой и сделаю корове укол.

Укол я ей сделал, сунул шприц в карман и пошел было через двор назад к машине, но тут фермер меня окликнул:

– Щипчики-то у вас с собой, мистер Хэрриот?

– Щипчики?... – Я остановился и обернулся к нему, не веря своим ушам. – Да, конечно, но неужели нельзя выбрать другое время?

Фермер щелкнул старой медной зажигалкой и направил длинный столбик пламени на табак в трубке.

– Так всего один теленок, мистер Хэрриот! Минута – и всех делов-то.

«Ну ладно, – подумал я, открыл багажник и выудил эмаскулятор из-под комбинезона, в который облачался при отелах. – Какое это теперь имеет значение! Все равно мой йоркширский пудинг давно уже пересох, а говядина и дивные свежие овощи разве что не совсем обуглились. Все потеряно, и теленком больше, теленком меньше – какая разница!»

Я зашагал назад, как вдруг в глубине двора распахнулись две створки, огромное черное чудовище галопом вылетело наружу и, ослепленное ярким солнцем, резко остановилось, настороженно оглядываясь, роя землю копытами и сердито хлеща себя хвостом по бокам. Я уставился на широкий разлет рогов, на могучие мышцы, бугрящиеся на плечах, на холодно посверкивающие глаза. Не хватало только фанфар да песка под ногами вместо булыжника, а то я вообразил бы, что вдруг очутился на Пласа-де-Торос в Мадриде.

– Это что – теленок? – спросил я.

Фермер весело кивнул:

– Он самый. Я вот решил перегнать его в коровник, там его сподручней привязать за шею.

Меня захлестнула жаркая волна гнева. Вот я сейчас на него накричу! И тут, как ни странно, волна схлынула, оставив после себя только безнадежную усталость.

Я подошел к фермеру, придвинул лицо к его физиономии и сказал негромко:

– Мистер Рипли, мы с вами давно не виделись, и у вас было достаточно времени выполнить обещание, которое вы мне дали. Помните? Что телят надо оперировать, когда им месяца три, не больше, и что вы замените эти ворота. А теперь поглядите на своего бычищу и поглядите, во что ваши ворота превратили мой костюм.

Фермер с искренним огорчением оглядел прорехи, украсившие мои брюки, и даже потрогал пальцем большой лоскут, свисавший с рукава у локтя.

– Да-а, нехорошо получилось, вы уж извините. – Он посмотрел на быка. – Да и этот, конечно, великоват маленько.

Я промолчал. Несколько секунд спустя мистер Рипли откинул голову и с твердой решимостью посмотрел мне прямо в глаза.

– Что плохо, то плохо, – сказал он. – Но знаете что? Этого вы уж сегодня ущипните, а я послежу, чтоб впредь такого больше не случилось!

Я погрозил ему пальцем:

– Вы ведь уже мне говорили то же самое. Но теперь я могу положиться на ваше обещание?

Он с жаром закивал:

– Уж ручаюсь вам.

Мнимые болезни собачки Мертл

– О-о-х, о-о-о!

Надрывные рыдания в трубке мигом прогнали мой сон. Был час ночи, и, когда меня разбудило назойливое брнчание телефона, я ожидал услышать хриплый голос какого-нибудь фермера, чья корова никак не могла растелиться.

– Кто это? – спросил я с легким испугом. – Что случилось?

Ответом мне было горькое всхлипывание, а затем мужской голос произнес между двумя рыданиями:

– Хемфри Кобб говорит. Ради всего святого, поскорей приезжайте. Мертл, по-моему, умирает!

– Мертл?

– Ну да. Собачка моя! До чего же ей плохо, о-о-о-х, о-хо-о!

– Но что с ней?

– Пыхтит, хрипит. По-моему, вот-вот дух испустит. Приезжайте побыстрее.

– Где вы живете?

– Седр-хаус. В конце Хилл-стрит.

– Знаю. Сейчас буду у вас.

– Вот спасибо! Мертл долго не протянет. Поторопитесь, а?

Я спрыгнул с кровати, схватил плисовые рабочие брюки со спинки стула у стены, в спешке сунул обе ноги в одну штанину и растянулся во всю длину на полу.

Хелен привыкла к ночным звонкам и обычно тут же снова засыпала. Тем более что я одевался, не зажигая света, чтобы ее не тревожить. Мне хватало ночника, который всю ночь горел на лестничной площадке ради Джимми, тогда совсем маленького.

Однако на этот раз система не сработала, и грохот моего падения заставил Хелен прискочить на постели.

– Джим, что это? Что с тобой?

Я кое-как поднялся с пола.

– Ничего, Хелен. Просто я споткнулся, – сказал я, сдергивая со стула рубашку.

– Но что за спешка?

– Абсолютно неотложный случай. Мне надо торопиться.

– Я понимаю, Джим, но ты же сам себя задерживаешь. Собирайся спокойнее.

Разумеется, она была совершенно права. Я всегда завидовал тем моим коллегам, которые сохраняют невозмутимость даже в крайне критических обстоятельствах. Но сам я из другого теста. Я скатился по лестнице и галопом промчался через темный сад в гараж. Ехать мне было меньше мили, и времени на обдумывание симптомов не оставалось, но я уже не сомневался, что столь резкое нарушение дыхания указывало на сердечный приступ или внезапную аллергическую реакцию.

Не успел я позвонить, как на крыльце вспыхнул свет и передо мной возник Хемфри Кобб, невысокий толстячок лет шестидесяти. Сияющая лысина еще больше придавала ему комическое сходство с огромным яйцом.

– Мистер Хэрриот! Входите же, входите! – произнес он прерывающимся голосом, а по его щекам струились слезы. – Я так вам благодарен, что вы среди ночи встали, чтобы помочь моей бедненькой Мертл.

С каждым его словом мне в нос ударял такой крепкий запах виски, что у меня закружилась голова, а когда он повел меня по коридору, я заметил, что походка у него не слишком твердая.

Моя пациентка лежала в корзинке возле новой электрической плиты в отлично оборудованной кухне. Так она же бигль, как мой Сэм! И я опустил на колени с самой горячей симпатией. Пасть Мертл была полуоткрыта, язык свисал наружу, но никаких признаков агонии я не обнаружил. А когда погладил ее по голове, хвост весело застучал по подстилке.

И тотчас у меня в ушах зазвенело от пронзительного вопля:

– Так что с ней, мистер Хэрриот?! Сердце, да? О, Мертл, Мертл!

– Знаете, мистер Кобб, – сказал я, – по-моему, она вовсе не так уж плоха. Не надо волноваться. Просто разрешите мне ее осмотреть.

Я прижал стетоскоп к ребрам и услышал ровное биение на редкость здорового сердца. Температура оказалась нормальной, но когда я начал ощупывать живот, мистер Кобб не выдержал.

– Это все моя вина! – простонал он. – Я совсем забросил бедную собачку.

– Простите, я не понял.

– Так я же весь день проболтался на скачках в Каттерике, ставил на лошадей, пьянствовал, а про несчастное животное и думать забыл!

– И она все время была тут одна взаперти?

– Да что вы! Жена за ней присматривала.

– Так, наверное, она и покормила Мертл, и погулять в сад выпускала? – предположил я, совсем сбитый с толку.

– Ну и что? – Он заломил руки. – Только я-то ведь не должен был ее бросать. Она же меня так любит!

Я почувствовал, что одна щека у меня начинает подозрительно гореть, и тотчас пришла разгадка.

– Вы поставили корзинку слишком близко к плите, и пыхтит она, потому что ей жарко.

Он бросил на меня недоверчивый взгляд:

– Мы ее корзинку сюда поставили только нынче. Полы перестилали.

– Вот именно, – сказал я. – Поставьте корзинку на прежнее место, и все будет в полном порядке.

– Это как же, мистер Хэрриот? – Его губы снова задрожали. – Наверняка другая причина есть. Она же страдает! Вы ей в глаза поглядите!

Я поглядел. У Мертл были типичные глаза ее породы – большие, темные, и она умела ими пользоваться. Многие считают, что пальма первенства по части задушевной грусти во взоре принадлежит спаниелям, но лично я считаю, что тут они биглям и в подметки не годятся. А Мертл, как видно, была чемпионкой.

– Это пусть вас не тревожит, мистер Кобб, – ответил я. – Уверю вас, все будет в порядке. Но его лицо не посветлело.

– Вы что же, совсем ее не полечите?

И я оказался перед одной из критических дилемм ветеринарной практики. Владельцы наших пациентов чувствуют себя обманутыми, если мы «не полечим» животное. А мистер Кобб нуждался в лечении куда больше своей любимицы. Тем не менее я не собирался тыкать в Мертл иглой только ради его спокойствия, а потому извлек из чемоданчика витаминную таблетку и затолкнул ее собачке в глотку.

– Ну вот, – объявил я. – Думаю, это пойдет ей на пользу. – А про себя решил, что не такой уж я и шарлатан: вреда от витаминов ей, во всяком случае, не будет.

Мистер Кобб приободрился.

– Расчудесно! Очень вы меня успокоили. – Он проследовал впереди меня в роскошно обставленную гостиную и зигзагами направился к домашнему бару. – Выпьете на дорожку?

– Нет, спасибо, – ответил я. – Лучше не стоит.

– Ну а я капелюшечку выпью. Надо нервишки в порядок привести, а то уж очень я расстроился. – Он плеснул в стопку порядочную порцию виски и кивнул мне на кресло.

У меня перед глазами маячила постель, но все-таки я сел и смотрел, как он прихлебывает свое виски. Мало-помалу я узнал, что он букмекер, но удалился от дел и месяц назад переехал в Дарроуби из Уэст-Райдинга. Только скачки у него все равно в крови, и он посещает на севере Англии их все, но только уже как зритель.

– Всегда такси беру и денек провожу преотлично! – Мистер Кобб весь просиял при воспоминании об этих отличных деньках. Но тут же его щеки затряслись, и лицо вновь приняло страдальческое выражение. – Только вот собачку мою бросаю. Дома ее оставляю.

– Ерунда! – сказал я. – Ведь я вас часто вижу на лугах. Вы же с ней много гуляете?

– Ну да. Каждый день и подолгу.

– Следовательно, живется ей очень хорошо. И выбросите из головы эти глупости.

Он осиял меня улыбкой и плеснул в стопку новую порцию виски, пальца на три.

– А вы славный парень! Дайте-ка я вам все-таки налью одну на дорожку.

– Ну хорошо. Только поменьше.

Пока мы пили, он совсем разомлел и смотрел на меня уже почти с обожанием.

– Джеймс Хэрриот, – произнес он заплетающимся языком. – Джим, значит?

– Ну-у, да.

– Так я вас буду звать Джимом, а вы зовите меня Хемфри.

– Ладно, Хемфри, – сказал я и допил свою стопку. – А теперь мне пора.

Проводив меня до крыльца, он положил руку мне на плечо, и лицо его вновь посерьезнело.

– Спасибо тебе, Джим. Мертл ведь очень худо было, так я тебе ну так благодарен, что и сказать нельзя.

Только развернув машину, я сообразил, что не сумел его переубедить и он по-прежнему считает, будто собачка была на грани смерти и я спас ей жизнь. Визит был странноватый, желудок у меня горел от виски, проглоченного в третьем часу ночи, но я решил, что Хемфри Кобб – очень забавный человек. И он мне понравился.

После этой ночи я часто встречался с ним в лугах, где он прогуливал свою собачку. Его почти сферическая фигура, казалось, подпрыгивала на траве, точно мячик, но держался он всегда спокойно и рассудительно, хотя и не переставал благодарить меня за то, что я вырвал его собачку из лап смерти.

Затем – бац! Все началось сначала. Телефон зазвонил в первом часу ночи, и в ухо мне ударили отчаянные рыдания даже прежде, чем я успел толком взять трубку.

– О-о-ох... О-о-ох! Джим, Джим, Мертл совсем худо. Ты приедешь?

– А... А что с ней на этот раз?

– Дергается.

– Дергается?

– Ну да. Смотреть страшно. Джим, давай приезжай, а? Не то я не выдержу. Сил никаких нет ждать. Чума у нее, не иначе. – И он разрыдался.

В голове у меня гудело.

– Чумы у нее быть не может, Хемфри. Так сразу чумой не заболевают.

– Ну, прошу тебя, Джим, – продолжал он, словно не слыша. – Будь другом, приезжай, посмотри Мертл.

– Ну хорошо, – сказал я устало. – Через несколько минут буду.

– Ты настоящий друг, Джим, настоящий... – Голос смолк, потому что я повесил трубку.

Одевался я в обычном темпе, не паникуя, как прежде. Видимо, что-то в том же роде. Но почему снова за полночь? По пути в Седр-хаус я уже не сомневался, что тревога опять окажется ложной. И все-таки, как знать?

На крыльце меня опять обдала невидимая волна алкогольных паров. По пути в кухню Хемфри, стена и причитая, раза два повисал на мне, чтобы удержаться на ногах. Он указал пальцем на корзину в углу.

– Она там, – объявил он, утирая глаза. – Я только вернулся из Рипона – и на тебе!

– Со скачек, э?

– Угу. На лошадей ставил, виски пил, а бедная моя собачка тут без меня помирала. Последняя я тварь, Джим, самая последняя!

– Чушь, Хемфри. Я вам уже говорил. От того, что вы на день уедете, ей никакого вреда быть не может. Потом, вы сказали, что она дергается, но я что-то не замечаю...

– Ага, она сейчас не дергается. А вот когда я только вошел, задняя нога у нее ну просто ходуном ходила. Вот так. – И он подергал кистью.

Я беззвучно застонал.

– Может быть, она просто чесалась или муху отгоняла.

– Ну уж нет. Ей же больно. Да ты только погляди на ее глазищи.

Я его вполне понимал. Глаза Мертл были двумя озерами глубоких чувств, и в них без труда читался кроткий упрек.

Стиснув зубы, я ее осмотрел, заранее зная, что не найду ничего ненормального. Но втолковать это толстячку мне не удалось.

– Ну дай ей еще одну чудотворную таблеточку, – взмолился он. – В тот раз ей мигом полегчало.

Спорить с ним у меня не было сил, и Мертл снова навитаминилась.

С огромным облегчением Хемфри неверным шагом направился в гостиную к заветной бутылке.

– После таких переживаний не грех немножко взбодриться, – сказал он. – Выпей рюмочку, Джим, не артачься, а?

Следующие несколько месяцев эта сцена повторялась вновь и вновь – всегда после скачек и всегда между полуночью и часом. У меня было достаточно возможностей проанализировать ситуацию, и вывод просто напрашивался.

Большую часть времени Хемфри оставался в меру заботливым владельцем собаки, но под влиянием алкоголя привязанность к Мертл преображалась в сентиментальное обожание и ощущение вины перед ней. Я покорно приезжал по его вызовам, понимая, как его потрясет мой отказ. Лечил я Хемфри, а не Мертл.

Меня забавляло упрямство, с каким он отмахивался от любых моих уверений, что приезжал я совершенно зря. Он был глубоко убежден, что его любимица осталась в живых только благодаря волшебной таблетке.

Нет-нет, я вовсе не отвергаю возможность, что Мертл действительно обращала на него свои томные очи с горьким упреком. Собаки вполне способны чувствовать и выражать неодобрение. Моего Сэма я брал с собой почти повсюду, но если иногда оставлял его дома, чтобы свозить Хелен в кино, то он забирался под кровать, долго там дулся, а вылезши, еще час старательно нас не замечал.

Меня пробил холодный пот, когда Хемфри сообщил мне о своем решении повязать Мертл. Ее беременность не сулила мне ничего хорошего.

Так оно и вышло. Толстячок то и дело впадал в пьяненькую панику, всякий раз совершенно без причин, и на протяжении девяти недель через правильные промежутки времени обнаруживал у Мертл то одни, то другие, но всегда воображаемые симптомы.

Наконец, к огромному моему облегчению, Мертл произвела на свет пятерых здоровых щенков. Ну уж теперь-то я передохну! По правде говоря, я по горло был сыт полуночными звонками Хемфри. Я всегда считал себя обязанным ехать, когда мне звонили ночью, однако

Хемфри довел меня до белого каления. Принципы принципами, но я чувствовал, что в одну прекрасную ночь я ему все выскажу.

Кризис наступил недели две спустя. День у меня выдался жуткий. Выпадение матки у коровы в пять утра, потом бесконечная тряска по дорогам туда-сюда практически без завтрака и обеда, а на сон грядущий – схватка с министерскими анкетами. (Я сильно подозревал, что безбожно напутал в графах.)

От своей бюрократической бездарности я всегда приходил в бессильную ярость, и когда наконец заполз под одеяло, перед глазами продолжали кружить эти пыточные анкеты, так что сон ко мне пришел только глубокой ночью.

Я знаю, что это глупо, но во мне живет суеверное чувство, будто судьба злорадно выжидает, когда мне особенно захочется выспаться, и тут она, похихикивая, подстраивает очередной вызов. А потому, когда у меня над ухом взорвался телефонный звонок, принял я его как должное, апатично протянул руку к трубке и увидел, что стрелки на светящемся циферблате будильника показывают четверть второго.

– Аллю! – пробурчал я.

– О-о... о-о... о-о-о-х! – Знакомое, знакомое вступление!

Я скрипнул зубами. Только об этом я сейчас и мечтал!

– Хемфри! Ну что на сей раз?

– Ох, Джим, Мертл и вправду помирает. Я всем нутром чую. Приезжай побыстрее, а?

– Помирает? – Я хрипло перевел дух. – Это почему же?

– Ну... вытянулась на боку и вся дрожит.

– Еще что-нибудь?

– Ага. Хозяйка говорила, что Мертл, когда она ее в сад выпустила, какая-то тревожная была и ноги у нее словно бы не гнулись. Я ведь только-только из Редкара вернулся, понимаешь?

– Так вы на скачках были, э?

– Это точно... А свою собачку бросил. Скотина я последняя!

Я закрыл глаза. И когда только Хемфри надоест придумывать симптомы! Ну что на этот раз? Дрожит, тревожится, ноги не гнутся. А раньше – пытела, дергалась, головой трясла, уши мелко дрожали. Что он в следующий раз углядит?

Но хорошенького понемножку.

– Вот что, Хемфри, – сказал я. – Ничего у вашей собаки нет. Сколько раз мне вам повторять...

– Ох, Джим, милый, поторопись! О-о-о! О-о-о-х!

– Я не приеду, Хемфри.

– Да ты что? Ей же все хуже становится, понимаешь?

– Я говорю совершенно серьезно. Это просто напрасная трата моего времени и ваших денег. А потому ложитесь-ка спать. И за Мертл не тревожьтесь.

Стараясь устроиться поудобнее под одеялом, я подумал, что отказываться поехать на вызов – дело очень нелегкое. Конечно, мне было бы проще встать и принять участие еще в одном спектакле в Седр-хаусе, чем впервые в жизни сказать «нет», но так продолжаться не могло. Надо же когда-нибудь и твердость проявить.

Терзаемый раскаянием, я кое-как задремал, но, к счастью, подсознание продолжает работать и во сне, потому что я вдруг проснулся. Будильник показывал половину третьего.

– Господи! – вскрикнул я, глядя в темный потолок. – У Мертл же эклампсия².

Я слетел с кровати и начал торопливо одеваться. Видимо, я нашумел, потому что Хелен спросила сонным голосом:

² Эклампсия – поздний токсикоз беременных, выражающийся в судорогах мышц всего тела и потере сознания. Опасен для жизни матери и плода. Эклампсия возможна и после родов.

– Что такое? Что случилось?

– Хемфри Кобб, – просипел я, завязывая шнурок.

– Хемфри... Но ты же говорил, что к нему торопиться незачем...

– Только не сейчас. Его собака умирает! – Я злобно посмотрел на будильник. – Может быть, вообще уже поздно. – Машинально взяв галстук, я швырнул его в стену. – Уж без тебя я обойдусь, черт побери! – И пулей вылетел на лестницу.

Через бесконечный сад – и в машину, а в голове разворачивалась стройная история болезни, которой снабдил меня Хемфри. Маленькая сука кормит пятерых щенят, тревожность, скованная походка, а теперь вытянутая поза и дрожь... Классическая послеродовая эклампсия. Без лечения – быстрый летальный исход. А после его звонка прошло почти полтора часа. От этой мысли у меня сжалось сердце.

Хемфри так и не лег. Видимо, он утешался в обществе бутылки, потому что еле держался на ногах.

– Приехал, значит, Джим, милоч, – бормотал он, моргая.

– Да. Как она?

– Никак...

Сжимая в руке кальций и шприц для внутривенных вливаний, я кинулся мимо него на кухню.

Гладенькое тельце Мертл вытянулось в судороге. Она задыхалась, вся дрожала, а из пасти у нее капала пена. Глаза утратили всякую выразительность и застыли в неподвижности. Выглядела она страшно, но она была жива... она была жива!

Я переложил пищущих щенков на коврик, быстро выстриг участочек над лучевой веной и протер кожу спиртом. Потом ввел иглу и начал медленно-медленно, осторожно-осторожно нажимать на плунжер. Кальций в этих случаях несет исцеление, но быстрое его поступление в кровь убивает пациента.

Шприц опустел только через несколько минут, и, сидя на корточках, я вглядывался в Мертл. Иногда к кальцию необходимо добавить наркотизирующее средство, и у меня наготове были нембутал и морфий. Но дыхание Мертл мало-помалу стало спокойнее, напряжение мышц ослабло. Когда она начала сглатывать слюну и поглядывать на меня, я понял, что она будет жить.

Я выжидал, пока ее ноги совсем не перестанут дрожать, но тут меня дернули за плечо. Я оглянулся и увидел Хемфри с бутылкой в руке.

– Выпьешь рюмочку, а, Джим?

Уговаривать меня особенно не пришлось. Сознание, что я чуть было не обрек Мертл на смерть, ввергло меня почти в шоковое состояние.

Я взял рюмку неверными пальцами, но не успел отхлебнуть, как собачка выбралась из корзинки и направилась к щенкам. Иногда эклампсия поддается не сразу, в других же случаях проходит почти мгновенно, и я порадовался, что на сей раз оказалось именно так.

Собственно говоря, оправилась Мертл даже как-то слишком быстро. Обнюхав свое потомство, она подошла к столу, чтобы поздороваться со мной. Ее глаза переполняло дружелюбие, а хвост реял в воздухе, как это принято у биглей.

Я начал поглаживать ей уши, и тут Хемфри испустил сиплый смешок.

– А знаешь, Джим, нынче я кое-что усек. – Голос у него был тягучим, но ясность мысли он как будто сохранил.

– Что именно, Хемфри?

– А усек я... хе-хех-хе... усек я, что все это время здорового дурака валял.

– Я что-то не понял.

Он назидательно покачал указательным пальцем:

– Так ты же мне только и твердил, что я тебя зря с постели стаскиваю и что мне все только мерещится, а собачка моя совсем здорова.

– Что было, то было, – ответил я.

– А я тебе никак не верил, а? Слушать ничего не желал. Так вот, теперь я знаю, что ты дело говорил. А я дураком был, так ты уж извини, что я тебе покоя по ночам не давал.

– Ну, об этом и говорить не стоит, Хемфри.

– А все-таки нехорошо. – Он указал на свою бодрую собачку, на ее приветливо машущий хвост. – Ты только погляди на нее. Сразу же видно, что уж сегодня-то Мертл совсем здорова была!

Новое и старое

У вершины дорога огорожена не была, и колеса моей машины спокойно съехали с асфальта на траву, оципанную овцами до бархатного ворса. Я выключил мотор, вылез и посмотрел вокруг.

Шоссе четкой полосой тянулось в траве и вереске, а потом круто уходило в долину. Одно из моих любимых мест, откуда мне открывался вид сразу на две долины – впереди и позади. У моих ног расстился весь край: нежная зелень лугов, пасущийся скот, речки, бегущие то по галечным отмелям, то в густой бахrome деревьев.

По склонам тянулись изумрудные пастбища, резко контрастируя с пятнами вереска и грубой травы у вершин. И только нескончаемый узор каменных стенок захватывал и их, скрываясь за голыми гребнями – границей нетронутой земли.

Я прислонился к машине, купаясь в холодном свежем ветре. Со времени моего возвращения к гражданской жизни прошло лишь несколько недель. Все время моей службы в авиации я вспоминал Йоркшир и все-таки забыл, до чего он прекрасен. Вдалеке нельзя было воскресить ощущение того покоя, безлюдья и близости дикой природы, которое придает холмам таинственность и делает их источником душевных сил. В затхлом воздухе унылых городов среди вечной толпы мне не верилось, что я могу стоять совсем один на зеленой кровле Англии, где каждый глоток воздуха напоен благоуханием трав.

Утро оставило у меня тягостное впечатление. Повсюду что-то настойчиво напоминало мне, что вернулся я в стремительно меняющийся мир, а мне перемены не нравятся. Старик-фермер вдруг сказал, когда я сделал инъекцию его корове:

– Нынче, мистер Хэрриот, одни только иголки да иголки!

И я с каким-то изумлением посмотрел на шприц в моей руке, вдруг осознав, что действительно уколы стали главным моим занятием.

Мне был понятен ход его мысли. Всего год-два назад я бы «промыл» его корову – ухватил бы ее за нос и влил бы ей в глотку пинту лекарства.

Мы все еще возили с собой специально для этой операции обыкновенную винную бутылку, потому что ее было легко держать, да и жидкость лилась из нее свободно. Часто мы примешивали к лекарству патоку из бочонка, который стоял почти во всех коровниках.

Теперь все это уходило в прошлое, и «иголки да иголки» еще раз заставили меня осознать, что ничто уже никогда прежним не будет.

Началась революция и в сельском хозяйстве, и в практической ветеринарии. Обработка земли и скотоводство все больше строились на научной основе, а понятия, передававшиеся из поколения в поколение, опровергались и забывались. Ветеринарную же практику все больше захлестывали волны надвигающегося урагана важнейших открытий.

Производились неслыханные прежде операции, сульфаниламиды уже нашли широчайшее применение, а главное, война, требовавшая действенного лечения ран, дала мощнейший толчок стремительному развитию и усовершенствованию открытия Александра Флеминга, установившего антибактериальные свойства пенициллина. Первый из антибиотиков пока еще не был на вооружении у ветеринаров, если не считать лечения маститов, где он применялся в виде свечек для введения в молочную железу. Но он пролагал дорогу армии лекарственных средств, которая вскоре уничтожила даже память о наших былых панацеях.

И становилось все яснее, что дни мелких фермеров сочтены. Именно они, владельцы полудюжины коров, небольшой свинарни и курятника, составляли костяк нашей практики. Но они же все чаще задумывались, удастся ли им и дальше сводить концы с концами, а некоторые продавали свои фермы более крупным хозяевам. Теперь, в восьмидесятых годах, среди наших клиентов мелких фермеров практически нет. Я могу их по пальцам пересчитать – стари-

ков, которые упрямо продолжают делать то, что делали, только потому, что всегда это делали. Последних из дорогих моему сердцу людей, которые жили по старинным заветам и говорили на старинном йоркширском наречии, совсем уже погубленным радио и телевидением.

Я еще раз вдохнул полной грудью и сел за руль. Томительное ощущение перемен по-прежнему тяготело надо мной, но я поглядел сквозь ветровое стекло на величавые холмы, возносящие лысые вершины к облакам – ярус за ярусом, неподвластные времени, несокрушимые, царящие над всем великолепием долин, и мне сразу стало легче. Йоркширские холмы остались прежними.

Я заехал еще на одну ферму и вернулся домой в Скелдейл-хаус справиться, нет ли новых вызовов.

Там тоже все переменялось. Зигфрид, мой партнер, женился и жил теперь в нескольких милях от Дарроуби, а в доме, где помещалась приемная, остались только мы с Хелен и малыш Джимми, наш сын. Вылезая из машины, я проследил взглядом глицинию, взбирающуюся по старинному кирпичу к окошечкам, которые из-под самой черепичной крыши смотрели на холмы. Семейную жизнь мы с Хелен начали там, в двух тесных комнатках, а теперь в нашем распоряжении оказался весь дом. Конечно, для нас он был слишком велик, но мы радовались, потому что любили этот старинный просторный особняк, дышавший изяществом восемнадцатого века.

Снаружи он выглядел таким же, каким я его увидел в первый раз столько лет назад. Исчезла только металлическая решетка, которую реквизировали в дни войны на нужды промышленности, и наши с Зигфридом дощечки висели теперь на стене.

Спальню мы с Хелен устроили в большой комнате, где я жил холостяком, а Джимми помещался в бывшей гардеробной, в свое время служившей и приютом младшего брата Зигфрида, Тристана, в дни его студенчества. Тристан, увы, нас покинул. Войну он окончил в чине капитана ветеринарной службы. Затем капитан Фарнон женился и ушел в Министерство сельского хозяйства, где занимался вопросами плодovitости скота. Нам очень его не хватало, но, к счастью, мы довольно часто виделись с ним и его женой.

Я отворил дверь, и в ноздри мне ударил аромат душистого порошка, который мы подмешивали к лекарствам. Он неизменно бодрил меня – запах нашей профессии, никогда полностью не выветривавшийся из дома.

В середине коридора я миновал дверь в длинный сад, огороженный высокой кирпичной стеной, и вошел в аптеку. Важность этого помещения уже шла на убыль. С полок на меня глядели банки благородных пропорций с выгравированными на стенках латинскими надписями: «Spiritus Aetheris Nitrosi», «Liquor Ammonii Acetatis Fortis», «Potassii Nitras», «Sodii Salicylas». Какие величественные названия! Мой мозг был нашпигован ими. Я знал назубок их свойства, действие, рекомендованное применение, дозы для лошадей, крупного рогатого скота, овец, свиней, собак и кошек. Но скоро, скоро мне надо будет выкинуть все это из головы и помнить только дозировку новейших антибиотиков и стероидных препаратов.

Стероиды вышли на сцену несколько лет спустя, но и они произвели небольшую революцию.

Выходя из аптеки, я чуть было не стукнулся лбом о Зигфрида, который вихрем неся по коридору. Он взволнованно вцепился мне в плечо:

– А, Джеймс! Вас-то мне и надо! Нынче утром я бог знает что пережил. На чертовом проселке в Хай-Листон у меня отвалился глушитель, и теперь мне не на чем ездить. В мастерской послали за новым глушителем, но пока его пришлют да пока его установят, у меня нет машины. Черт знает что за положение!

– Ничего, Зигфрид. Я съезжу по вашим вызовам.

– Нет, нет, Джеймс. Очень мило с вашей стороны, но поймите же: это не в первый раз и не в последний. Вот о чем я и хочу с вами поговорить. Нам нужна запасная машина.

– Запасная?

– Ну да. Без «роллс-ройса» мы обойдемся. Что-нибудь поскромнее на такой вот случай. Собственно говоря, я уже позвонил Хаммонду в гараж, чтобы он пригнал сюда что-нибудь подходящее. По-моему, это он подъехал.

Мой партнер всегда принимает мгновенные решения, и я покорно побрел за ним к входной двери. Мистер Хаммонд действительно уже ждал нас там с автомобилем. Это был «моррис-оксфорд» выпуска 1933 года. Зигфрид стремительно сбежал по ступенькам.

– Вы сказали – сто фунтов, э, мистер Хаммонд? – Он несколько раз обошел машину, поскоблил кое-где ржавчину, проступившую сквозь черную краску, открыл по очереди все дверцы, оглядел обивку. – Ну что же, старичок выдывал лучшие дни, но внешний вид не так уж важен, была бы ходовая часть в порядке.

– Очень недурная машинка, мистер Фарнон, – подхватил хозяин мастерской. – После переборки мотора прошла только две тысячи миль и, можно сказать, масла не жрет вовсе. Аккумулятор новый, а протектор на всех покрышках сносился самую чуточку. – Он поправил очки на длинном носу, расправил тощие плечи и придал физиономии самое деловое выражение.

– М-м-м-м... – Зигфрид несколько раз нажал ногой на задний бампер, и старые пружины застонали. – А тормоза? В холмистой местности, знаете ли...

– Отличные, мистер Фарнон. Первокласные.

Мой коллега медленно наклонил голову:

– Очень хорошо. Вы позволите мне прокатиться вокруг квартала?

– Конечно, конечно, – ответил мистер Хаммонд. – Проверьте ее на всех передачах. – Он гордился своей уравновешенностью и солидно сел рядом с Зигфридом, который уже водворился за руль.

– Джеймс, да влезайте же! – скомандовал мой партнер, и я устроился позади мистера Хаммонда на заднем сиденье душноватой машины.

Зигфрид рванул с места под рев мотора и старческое скрипение кузова, и мы помчались по улице Тренгейт. Уравновешенность уравновешенностью, но я заметил, что над синим пиджаком владельца мастерской внезапно дюйма на два вылезла белая полоска воротничка.

Тут Зигфрид притормозил возле церкви перед левым поворотом, и воротничок опустился почти до законного уровня, но только для того, чтобы возникать вновь и вновь, пока мы на предельной скорости брали крутые повороты.

На длинной прямой улице мистер Хаммонд заметно приободрился, но, когда Зигфрид вжал педаль газа в пол и с громом понесся вперед, вспугивая птиц с деревьев, я вновь узрел воротничок во всей его красе.

В конце улицы, поворачивая машину, Зигфрид почти остановил ее.

– Попробуем испытать тормоза, мистер Хаммонд, – объявил он весело и бросил машину вперед, явно намереваясь произвести проверку тормозов по всем правилам. Рык древнего мотора перешел в вой, поворот на нашу улицу приближался с ужасающей быстротой, и воротничок весь вылез наружу, а за ним и верхняя часть рубашки.

Зигфрид нажал на тормоза, машину резко занесло вправо, и когда мы по-крабьи, боком, влетели на Тренгейт, макушка мистера Хаммонда уперлась в крышу, а мне выпал редкий случай полюбоваться практически всей его рубашкой. Когда же мы остановились, он медленно сполз на сиденье, и пиджак занял положенное ему место. Но мистер Хаммонд ни разу не нарушил молчания и, если не считать его движений по вертикали, не проявил никаких признаков волнения.

Мы вылезли, и мой партнер потер подбородок с некоторым сомнением.

– При торможении она немножко тянет вправо, мистер Хаммонд. Надо бы отрегулировать тормоза. А может быть, у вас найдется еще какая-нибудь машина?

Владелец мастерской ответил не сразу. Очки его перекозились на носу, щеки побелели как бумага.

– Д-да... да, – ответил он дрожащим голосом. – У меня есть еще одна недурная машинка. Думаю, она вам подойдет.

– Великолепно! – Зигфрид потер руки. – Вы не подъехали бы после обеда? Мы тут же ее и опробуем.

Глаза мистера Хаммонда стали заметно шире, и он несколько раз сглотнул.

– Хорошо... хорошо, мистер Фарнон. Но после обеда у меня дела, так я пришлю кого-нибудь из механиков.

Мы попрощались с ним и вошли в дом. Мой партнер обнял меня за плечи.

– Ну что же, Джеймс, еще один шаг на пути повышения эффективности. Да и вообще... – Он улыбнулся и насвистел какой-то мотивчик. – Я получаю большое удовольствие от подобных интерлюдий.

У меня вдруг стало удивительно легко на душе. Пусть и то, и другое, и третье изменилось до неузнаваемости. Холмы остались прежними. И Зигфрид тоже.

С овцами в Россию (1)

– В Россию? – Я с завистью уставился на Джона Крукса.

Первые послевоенные годы мы с Зигфридом работали вдвоем – и пишу я в этой книге именно о них. Джон Крукс стал нашим помощником в 1951 году, а три года спустя открыл собственную практику в Беверли. На прощание он сделал нам очень лестный комплимент – «набрал» в бутылку воздух Скелдейл-хауса, обещая откупорить ее в своей новой приемной, чтобы там была частица нашей атмосферы. Когда-нибудь я напишу и о том времени, но пока мне хочется перескочить в 1961 год и на протяжении всей книги вставлять отрывки из дневника, который я вел, когда плавал в Россию.

Устроил все Джон. Хотя он больше у нас не работал, но часто приезжал в гости и рассказывал о всяких приключениях, случавшихся с ним, когда он сопровождал партии скота, экспортировавшиеся из Гуллы. Так он побывал во многих странах, но мое воображение воспламенилось при слове «Россия».

– Наверное, было очень интересно! – вздохнул я.

Джон улыбнулся:

– Очень и очень. Я побывал там уже не один раз и видел подлинную Россию, какая она есть. Это ведь не туристическая экскурсия для осмотра достопримечательностей. Видишь страну глазами моряка, встречаешься с простыми русскими – с теми, кто торгует, кто работает.

– Замечательно!

– И тебе за это еще и платят, – добавил Джон. – Чего уж лучше!

– Счастливчик! – Я снова вздохнул. – И часто бывают такие поездки?

– Достаточно. – Он посмотрел на меня повнимательнее и, наверное, уловил зависть в моих глазах. – А почему бы и вам не съездить?

– Вы серьезно?

– Конечно. Скажите слово – и следующая поездка ваша.

Я хлопнул кулаком по ладони:

– Договорились, Джон. Нет, я вам от души благодарен. Сельская практика – чудесная вещь, но иногда все-таки возникает ощущение, что ты тащишься по накатанной колее. Сплавать в Россию! Именно это мне и требуется.

– Вот и хорошо. – Джон встал. – Подробности я вам сообщу позже, но, скорее всего, вы отправитесь со стадом элитных овец, купленных на племя. Страховая компания, безусловно, потребует, чтобы их сопровождал ветеринар.

Начались недели радостного предвкушения. Однако мой энтузиазм разделяли далеко не все.

Один пастух, прищурившись, изрек:

– Я бы туда ни ногой, хоть ты меня озолоти! Словечко не так скажешь – и угодишь в тартарары до скончания века.

Он был не оригинален. В то время температура отношений между Востоком и Западом упала очень низко, и мне уже несколько приелись заверения моих клиентов, что куда-куда, но уж в Россию они ни за какие коврижки не поехали бы. А когда я, перед самым отъездом проверяя на туберкулез коров полковника Смоллвуда, рассказал ему, какая мне выпала удача, он поднял брови и смерил меня ледяным взглядом.

– Ну что же, рад, что имел удовольствие знать вас, – процедил он.

Но в жилах у меня струилась кровь мореходов, и я был полон только самых приятных надежд.

28 октября 1961 года

Первый день наступил и кончился. Когда я вышел на причал в Гулле, то прямо перед собой увидел «Ирис Клоусен», датское судно, на котором мне предстояло плыть, водоизмещением в триста тонн... И несколько опешил – таким маленьким оно мне показалось. Я как-то не предполагал, что отправлюсь в плавание по морям на такой скорлупке. Но тут же с облегчением сообразил, что вижу только нос и часть палубы, действительно крохотную, а высокая надстройка, естественно, заслоняет от меня внушительное ее продолжение. Я прошел за надстройку, и у меня неприятно засосало под ложечкой: судно на этом кончилось. Надстройка, а за ней – ничего.

На мой неискушенный взгляд, «Ирис Клоусен» выглядела совсем игрушечной, и я просто был не в силах представить себе, что эта посудинка пересекает океаны и борется со штормами.

Овец только-только погрузили, и на палубе валялась солома. Я вошел в маленький салон. За столом сидели капитан, чья фамилия была Расмуссен, представители экспортной компании и двое русских ветеринаров, проводившие осмотр овец. Сам стол поражал обилием разнообразнейших датских бутербродов, всяческих бутылок с пивом, виски, шнапсом и другими напитками, а также документов, на которых все они расписывались, расписывались, расписывались с деловитой торопливостью.

Низенький русский в очках, видимо, догадался, кто я такой, – он встал мне навстречу, с улыбкой сказал «ветеринар» и дружески пожал мою руку. Его товарищ, высокий и худой, продолжал сосредоточенно читать документы.

Старший представитель экспортной компании сообщил мне, что я обязан буду не только окружать врачебными заботами триста восемьдесят три элитных овцы породы ромни-марш и линкольн, но еще и сдать их русским в Клайпеде, порту нашего назначения, и привезти назад пять накладных, скрепленных подписями русских и моей собственной, – без этого компания своих денег не получит.

– А сколько стоят эти овцы? – спросил я.

У него чуть дернулся уголок рта.

– Двадцать тысяч фунтов.

У меня екнуло сердце. Я и не подозревал, какую ответственность на себя взваливаю.

Наконец все ушли, и мы остались в каюте вдвоем с капитаном. Он мило мне представился, и меня сразу покорила мягкость его манер. Невысокий рост, серебряная шевелюра, отличный английский язык. Капитан указал мне на стул рядом с собой и сказал:

– Садитесь, мистер Хэрриот, поболтаем.

Мы поговорили о наших семьях и перешли к общим делам.

– Судно это дизельное, – объяснил он. – Специально построенное для перевозки животных. На двух нижних палубах размещены загоны для овец. Не хотите ли взглянуть на ваших подопечных?

Когда мы выходили из каюты, я заметил, что капитан прихрамывает. Он проследил направление моего взгляда и сказал с улыбкой:

– Да, полгода назад я сломал лодыжку. Слетел с трапа во время шторма. Никак не ожидал от себя такой глупости!

Мне пришло в голову, что в ближайшие недели я от таких глупостей совсем не застрахован. Мы прошли по нижним палубам. Овцы были просто великолепны – все без исключения – и размещены очень удобно: отличные соломенные подстилки, а душистого сена хоть отбавляй.

Я расстался с капитаном у дверей моей каюты, вид которой меня приятно удивил. Вероятно, пассажиры первого класса океанских лайнеров привыкли к большей роскоши, но койка с

белоснежными простынями и наволочками, письменный столик, кресло, умывальник, стенной шкаф, два комода со множеством ящиков и светлые дубовые панели по стенам меня более чем удовлетворили. Короче говоря, это временное жилище привело меня в восторг.

Я открыл чемодан. Личные вещи занимали в нем совсем немного места, набит же он был всем, что мне, по моему мнению, могло вдруг понадобиться. Рабочий хлорвиниловый плащ черного цвета, флаконы с кальцием, антибиотики, стероидные препараты, скальпели, ножницы, шовный материал, бинты, вата и шприцы.

Я обвел свои по необходимости скудные запасы тревожным взглядом. Не потребуется ли мне что-нибудь сверх этого? Или вообще ничего не понадобится? Ну, проживем – увидим.

Лоцмана мы взяли в восемь вечера, а в девять за иллюминатором послышалась какая-то возня. Я обернулся и увидел, что двое матросов крутят что-то, поднимая якорь.

Я вышел на палубу посмотреть, как мы будем отплывать. Вечер был очень темный, на причале – ни души. В круге света, отбрасываемого фонарем, вдруг мелькнула кошка – и только. Тут взревела наша сирена, и я заметил, что мы медленно-медленно отодвигаемся от причала. Скользнули в узкий выход из порта, а затем с довольно большой скоростью направились к устью Хамбера, до которого было две мили.

Впрочем, не мы одни воспользовались вечерним приливом: слева и справа я увидел несколько судов, два-три совсем близко от нас разрезали носами воду – зрелище удивительно красивое и волнующее.

За кормой быстро уходили во тьму огни Гулля. Я смотрел на их мерцающие отблески за полосой черноты, но тут кто-то тронул меня за локоть.

Я обернулся. Мне весело улыбался молодой матрос.

– Доктор, – сказал он, – вы мне покажете, как кормить овец?

Вероятно, мое лицо выразило некоторое недоумение, потому что улыбка его стала еще шире. Он объяснил:

– Я много раз плавал с коровами и свиньями, а вот с овцами – нет.

Тут я понял и сделал пригласительный жест рукой. Вся команда состояла из датчан, и он тоже был типичным скандинавом – высокий, белокурый, широкоплечий. Его широкая спина указывала мне дорогу. Возле загонов он внимательно выслушал мои наставления, как кормить и поить овец и, главное, сколько давать им концентратов. Я с большим удовольствием обнаружил, что, кроме первосортного сена, было еще внушительное число бумажных мешков с орехами для овец – тоже высшего качества.

Матрос приступил к делу, а я следил за моими новыми подопечными. В большинстве это были ромни-марш, и я вновь подумал, до чего они симпатичны. Ну просто плюшевые мишки! Стучали машины, палуба вибрировала под моими подошвами, а я смотрел на крупные мохнатые головы, на кроткие глаза, отвечавшие мне невозмутимыми взглядами. Одни овцы лежали на подстилках, другие стоя пережевывали корм.

Пора было отправляться спать, но мной овладело неудержимое желание опять подняться на верхнюю палубу. Среди моих родственников имелись морские капитаны, а один из прадедов был лоцманом. Море всегда влекло меня.

Я прошелся по палубе в темноте. Это оказалось не так-то просто: все свободное пространство ограничивалось двумя узкими полосками по обоим бортам длиной шагов в двадцать.

Взошла луна и осветила воду эстуария холодным бледным светом. Вдали по правому борту мерцала длинная цепочка огней – возможно, Гримсби. По левому борту, примерно в трехстах ярдах от нас, бесшумно скользило какое-то судно, держась точно вровень с нами. Я долго смотрел на него, но, когда наконец отправился спать, оно ни на йоту не изменило своего положения относительно нас.

Моя каюта теперь содрогалась, откуда-то доносились непонятные стуки, полязгивание и стоны. Я сел писать дневник и вскоре ощутил, что мы, несомненно, вышли в море – качка оказалась весьма чувствительной.

Я попробовал лечь на койку – качка стала еще чувствительней. От борта к борту, от борта к борту, опять, и опять, и опять. Одно время мы взвешивали, нельзя ли Хелен отправиться со мной в это путешествие, и теперь я невольно улыбнулся. Нет, ей тут не понравилось бы. Ее ведь укачивает даже на заднем сиденье автомобиля. Меня же это мерное движение только убаюкивало, точно я лежал в колыбели, и сон не заставил себя ждать.

Мой пятилетний помощник Джимми

– Э-э-эй! – закричал я.

– Э-э-эй! – пропищал у меня за спиной Джимми.

Я обернулся и посмотрел на сына. Ему шел пятый год, а по вызовам он ездил со мной с трех лет. И уж конечно, считал себя великим знатоком скотных дворов, ветераном, опытным во всех тонкостях сельского хозяйства.

Ну а кричать «э-э-эй!» мне приходилось частенько. Просто поразительно, как иногда трудно, приехав на ферму, обнаружить хозяина. Может, вон то пятнышко на тракторе за тремя лугами? Порой он оказывался у себя на кухне. Однако меня не оставляла надежда найти его где-нибудь среди служб, и я всякий раз верил, что он тотчас откликнется на мой призывный вопль.

Некоторые фермы по неведомой причине обязательно встречали нас полным безлюдьем и запертой дверью дома. Мы рыскали между сараями, коровниками и загонами, но на наши бодрые крики отвечало только эхо, отраженное равнодушными стенами. У нас с Зигфридом для таких ферм существовало собственное определение – «хожу не нахожу», и они обходились нам в бессчетные, напрасно потерянные минуты.

Джимми очень быстро разобрался в этой ситуации и теперь откровенно радовался случаю поупражнять легкие. Я следил, как он разгуливает по булыжнику и кричит, дополнительно – и совершенно зря – топоча новыми сапожками.

Ах, как он ими гордился! Ведь сапожки знаменовали, что его статус помощника ветеринара признан официально! Вначале, когда я только начал брать его с собой, он просто, как всякий ребенок, радовался, глядя на обитателей скотного двора и, конечно, на их потомство – ягнят, жеребят, поросят, телят, уж не говоря о мгновениях неистового восторга, когда он вдруг обнаруживал в сене спящих котят или натыкался в пустом стойле на собаку с щенками.

Но потом ему стало этого мало. Он захотел сам что-то делать и вскоре знал содержимое моего багажника не хуже, чем содержимое ящика со своими игрушками. Ему страшно нравилось доставать для меня жестянки с желудочным порошком, электуарий и пластыри, белую примочку и все еще почитаемые длинные картонки с «универсальным лекарством для рогатого скота». А едва увидев корову, лежащую в характерной позе, он мчался к машине за кальцием и насосом, не дожидаясь моей просьбы. Он уже научился ставить диагнозы самостоятельно.

По-моему, особенно он любил сопровождать меня на вечерних вызовах, если Хелен в виде исключения разрешала ему лечь спать попозже. Он блаженствовал, уезжая за город в темноте, направляя луч фонарика на коровий сосок, пока я его зашивал.

Фермеры всегда ласковы с детьми, и даже самые угрюмые буркали: «А, так вы помощником обзавелись!» – едва мы вылезали из машины.

К тому же фермеры были счастливыми обладателями вожаемой мечты Джимми – больших сапог, подбитых гвоздями. Фермеры вообще вызывали у него неумное восхищение – сильные, закаленные мужчины, которые почти все время проводили под открытым небом, бесстрашно расхаживали в гуще коровьего стада и небрежно хлопали по крупу могучих битюгов. Я видел, какими сияющими глазами он смотрел, как они – порой невысокие и жилистые – влезали по амбарной лестнице с огромными мешками на спине или ловко повисали на морде тяжеловесного вола, небрежно сжимая в зубах вечную сигарету, а их сапоги волоклись по полу.

Вот эти-то сапоги совершенно пленили Джимми. Крепкие, не знающие сноса, они словно символизировали для него тех, кто их носил.

Вопрос встал ребром, когда мы как-то раз вели в машине один из наших обычных разговоров. То есть вел его мой сын, засыпая меня бесчисленными вопросами, на которые я отвечал

несколько наобум, потому что думал о своих пациентах. Вопросы эти сыпались практически без остановки каждый день, следуя уже испытанному порядку.

– А какой поезд быстрее: «Голубой Питер» или «Летучий шотландец»?

– Ну-у... право, не знаю. Пожалуй, «Питер».

Затем следовал вопрос похитрее:

– А экспресс быстрее гоночного автомобиля?

– Да как сказать... Надо подумать. Наверное, гоночный автомобиль быстрее.

Джимми внезапно менял направление:

– А хозяин на той ферме очень большой, правда?

– Очень.

– Больше мистера Робинсона?

Начиналась его любимая игра в «больших людей», и я прекрасно знал, чем она кончится, но честно подавал требуемые реплики.

– Конечно.

– Больше мистера Лиминга?

– Несомненно.

– Больше мистера Керкли?

– Еще бы!

Джимми поглядел на меня искоса, и я понял, что он сейчас пустит в ход два своих козыря.

– Больше, чем газовщик?

Великан, являвшийся в Скелдейл-хаус снимать показания газовых счетчиков, покорила воображение моего сына, и я должен был внимательно обдумать ответ.

– Ну-у... Знаешь ли, мне кажется, он все-таки больше.

– А! Только... – Тут у Джимми лукаво вздернулся уголок рта. – Мистера Тэкри он тоже больше?

Это был нокаут. Кто мог быть больше мистера Тэкри, взиравшего сверху вниз на всех обитателей Дарроуби с высоты своих шести футов семи дюймов?

Я покорно пожал плечами:

– Нет. Должен сознаться, что мистер Тэкри больше.

Джимми просиял и победно кивнул. Потом начал что-то напевать, барабанил пальцами по приборной доске. Вскоре стало ясно, что он запутался и никак не может вспомнить, как там дальше. Терпение не входило в число его добродетелей: он начинал, снова путался, снова начинал, и было видно, что гневной вспышки не избежать.

После того как мы спустились по крутому склону в деревушку и очередная порция «там-ти, там-ти» резко оборвалась, Джимми воинственно повернулся ко мне.

– Знаешь, – сердито буркнул он, – надоело мне это хуже горькой редьки!

– Ну что же, старик, очень жаль. – Я призадумался. – Ты же, по-моему, поешь «Лилли-бурлеро». – И я быстро напел мотив.

– Ага! – Джимми хлопнул себя по коленям, несколько раз во все горло пропел мелодию и пришел в такое отличное настроение, что высказал свое, видимо, довольно давнее желание: – Папа! Ты мне сапоги не купишь?

– Сапоги? Так ты же в сапогах! – И я кивнул на резиновые сапожки, в которые Хелен всегда его обряжала перед визитом на ферму.

Он печально поглядел на них, а потом сказал:

– Я знаю. Только я хочу такие сапоги, как у фермеров.

Я растерялся. Что тут было ответить?

– Видишь ли, Джим, маленькие мальчики в таких сапогах не ходят. Вот когда ты подрастешь, то, может быть...

– Так они мне сейчас нужны, – произнес он горестно. – Мне нужны настоящие сапоги!

Я решил, что это случайный каприз, но он продолжал вести планомерную кампанию день за днем, с невыразимым отвращением глядя на резиновые сапожки, когда Хелен натягивала их ему на ноги, и скорбно опуская плечи, чтобы показать, насколько мало подобная обувь подходит такому мужчине, как он.

В конце концов как-то вечером, уложив его спать, мы обсудили положение.

– Подбитых сапог его размера вообще, наверное, не бывает, – сказал я.

Хелен покачала головой:

– Думаю, что нет. Но на всякий случай я погляжу.

Вскоре выяснилось, что Джимми был отнюдь не единственным малышом, мечтавшим о таких сапогах: неделю спустя моя жена вернулась домой порозовевшая от оживления и показала мне пару крохотных фермерских сапог – никогда в жизни мне не доводилось видеть ничего подобного.

Я невольно расхохотался: такие миниатюрные и такие настоящие, верные в каждой детальке они были! Толстые подошвы на гвоздях, солидные голенища и вертикальный ряд металлических дырочек для шнурков.

Джимми, увидев их, не засмеялся. Он взял их в руки с благоговением, а когда надел, в его манере держаться произошла разительная перемена. Бойкий коренастый мальчуган, он расхаживал в своих плисовых гетрах и новых сапожках, точно все тут принадлежало ему. Он притоптывал, стучал каблуками, плечи расправил как мог шире, а в его «э-э-эй!» слышались властные ноты.

Озорником я Джимми не назвал бы, и уж конечно, в нем не было ни жестокости, ни страсти к бессмысленным разрушениям, однако сидел в нем бесенок, как, по-моему, и положено мальчишкам. Ему нравилось поступать по-своему, и он любил меня дразнить, хотя, вероятно, сам того не сознавая.

Если я говорил: «Этого не трогай!» – он старался держаться от указанного предмета подальше, но позже слегка проводил по нему кончиками пальцев. Назвать его непослушным в подобном случае было все-таки нельзя, и тем не менее он доказывал себе и нам свою независимость.

Так, он не упускал случая воспользоваться моментом, если я оказывался в стесненном положении. Вот, например, в тот день, когда мистер Гарретт привел свою овчарку. Пес сильно хромотал. Я водворил его на стол, и тут в окне, выходящем в залитый солнцем сад, возникла круглая головенка.

Я ничего против не имел: Джимми часто наблюдал, как я работал с мелкими животными, и мне даже показалось немного странным, что он не прибежал в операционную.

Далеко не всегда легко установить, почему собака охромела, но на этот раз я обнаружил причину почти мгновенно. Когда мои пальцы слегка сжали внешнюю подушечку левой лапы, пес дернулся, а на черной поверхности проступила капелька лимфы.

– У него тут сидит какая-то заноза, мистер Гарретт, – сказал я. – Возможно, колючка. Сейчас я сделаю местную анестезию и доберусь до нее.

Я начал наполнять шприц и вдруг заметил в углу окна коленку. «Нет, Джимми, конечно, не станет карабкаться по глицинии!» – успокоил я себя, подавляя раздражение. Забава эта была опасной, и я строго-настрого запретил ему лазить по стеблям этого красивого растения, обвившего дом со стороны сада. Хотя у земли стебли были толщиной в ногу взрослого мужчины, выше, поднимаясь к окошку ванной и дальше к черепичной крыше, они становились совсем тонкими.

Ну конечно, он себе ничего такого не позволит! И я сделал укол в лапу. Современные анестезирующие средства действуют стремительно, и уже на второй минуте пес не ощутил ни малейшей боли, когда я сжал пострадавшую лапу.

– Поднимите его ногу и крепко ее держите, – распорядился я, беря скальпель.

Мистер Гарретт кивнул и озабоченно поджал губы. Он вообще был человеком серьезным и явно глубоко переживал за своего четвероногого друга. Едва я занес скальпель над роковой капелькой, его глаза тревожно прищурились.

А я радостно сосредоточился. Если я обнаружу и уберегу занозу, пес сразу же забудет про недавние страдания. Такие операции я проделывал несчетное число раз, и при всей своей легкости они приносили большое удовлетворение.

Кончиком лезвия я сделал крохотный разрез в плотной ткани подушечки, и... из окна на меня упала тень. Я поднял глаза. Джимми! В другом углу окна. Только теперь – его мордашка, ухмыляющаяся за стеклом по пути к крыше.

Поросенок! Влез-таки на глицинию, когда я только и могу, что метнуть в него свирепый взгляд. Я углубил надрез, нажал, но из ранки ничего не появилось. Мне не хотелось ее расширять, однако другого выхода не оставалось. Я провел скальпелем под прямым углом к первому надрезу и тут уголком глаза заметил две маленькие ноги, болтающиеся у верхнего края окна. Я попытался заняться своим делом, но ноги покачивались и брыкались, совершенно очевидно в пику мне. Наконец они скрылись из виду, что могло означать лишь одно: Джимми не спустился, а карабкался выше по все более ненадежным стеблям. Я углубил разрез и осушил его тампоном.

Ага! Что-то там есть... Но как же глубоко засела эта дрянь! Видимо, колючка переломилась и остался один только кончик. С охотничьим азартом я протянул руку за пинцетом... и тут в окне опять возникла голова, но теперь подбородком вверх.

Господи! Он же висит, зацепившись ногами! Физиономия меж тем ухмылялась до ушей. Из уважения к клиенту я старательно не замечал этой пантомимы за окном, но всему есть мера! Подскочив к окну, я гневно погрозил кулаком. По-видимому, мое бешенство смутило верхолаза, – во всяком случае, физиономия тотчас исчезла и я различил царапанье подошв по стене снаружи, явно поднимавшихся все выше.

Утешение ниже среднего. Стебли там могли не выдержать веса и такого малыша... Я заставил себя вернуться к столу.

– Извините, мистер Гарретт, – сказал я. – Подержите ногу еще, будьте добры.

Он сухо улыбнулся, и я погрузил пинцет в ранку. Кончики задели что-то твердое. Я сжал их, осторожно потянул и – как чудесно! – извлек острый, влажно поблескивающий обломок колючки. Уф-ф!

Одна из тех победных минут, которые скрашивают жизнь ветеринара, – я улыбнулся мистеру Гарретту, поглаживая пса по голове, и тут снаружи послышался треск. Затем донесся вопль отчаянного ужаса, за стеклом мелькнула маленькая фигурка – и раздался глухой удар о землю.

Я бросил пинцет, выскочил в коридор и через боковую дверь вылетел в сад. Джимми уже успел сесть среди мальв, и от облегчения я даже забыл рассердиться.

– Больно ушибся? – еле выговорил я, но он помотал головой.

Я поднял его, поставил на ноги. Действительно, он как будто остался цел и невредим. Я тщательно его ощупал, не обнаружил никаких повреждений и отвел в дом, приказав:

– Беги-ка к маме!

А сам вернулся в операционную.

Вероятно, я был очень бледен, потому что мистер Гарретт испуганно спросил:

– Он не расшибся?

– Нет-нет. По-видимому, все обошлось. Прошу прощения, что я убежал. Мне следовало бы...

Мистер Гарретт погладил меня ладонью по плечу.

– Ну что вы, мистер Хэрриот! У меня же у самого есть дети. – И тут он произнес слова, навеки запечатлевшиеся в моем сердце: – Чтоб быть родителем, нужно иметь железные нервы.

За чаем я наблюдал, как мой сын, кончив уписывать яичницу на поджаренном хлебе, принялся щедро намазывать солидный ломоть сливовым джемом. Ну, слава богу, его выходка обошлась без печальных последствий, но прочесть ему нотацию я был обязан.

– Вот что, молодой человек, – начал я, – ты ведешь себя очень плохо. Сколько раз я повторял тебе, чтобы ты не смел лазить по глицинии...

Джимми вгрызся в хлеб с джемом, глядя на меня без тени раскаяния или смущения. Бесспорно, в моей натуре есть что-то от старой наседки, и за многие годы они с Розы – моей дочкой, когда она достаточно подросла, – прекрасно это уловили и завели обескураживающую привычку непочтительно квохтать в ответ на мои заботливые наставления. И тогда за чаем я понял, что Джимми никакими самыми убедительными тирадами не пронять.

– Если ты и дальше будешь так шалить, – продолжал я, – то я не стану брать тебя с собой на фермы. Придется мне найти другого мальчика в помощники.

Он перестал жевать, и я старался уловить, как подействовали мои слова на маленького человечка, которому позже предстояло вырасти в ветеринарного врача, до которого я во всех отношениях не мог и рукой дотянуться. Как тридцать пять лет спустя выразился мой одноклассник по ветеринарному колледжу, суховатый шотландец, предпочитавший говорить без обиняков: «Просто черт знает насколько он лучше своего папаши!»

Хлеб с джемом шлепнулся на тарелку.

– Другого мальчика? – переспросил Джимми.

– Вот именно. Шалунов я с собой брать не могу. И мне придется поискать кого-нибудь другого.

Джимми погрузился в раздумье, потом пожал плечами, видимо решив отнестись к моим словам философски, и снова взял надкусанный ломоть. Но внезапно невозмутимость его покинула, он поперхнулся и поглядел на меня круглыми от испуга глазами.

– И ты... – произнес он дрожащим голосом, – ты отдашь ему мои сапоги?

Как ловить скотину за ухо

– Ох, черт! Так это же доктор Фу-Манчу³ собственной персоной.

Масленая лепешка выпала из пальцев фермера на тарелку, и он с ужасом уставился в окно кухни, где мы расположились перекусить.

Я проследил направление его взгляда и обжегся чаем.

За стеклом маячила грузная фигура в восточном халате. С изрытого оспой лица на нас зловеще смотрели раскосые глаза-щелочки, левую щеку от уха до подбородка пересекал уродливый шрам, но особенно жутким был единственный черный сальный ус, свисавший с верхней губы почти до ключицы. Экзотически пестрый халат ниспадал с его плеч свободными складками, а скрещенные на животе руки были глубоко засунуты в рукава.

Жена фермера взвизгнула и отпрянула от стола. А я смотрел, не в силах шевельнуться, и не верил собственным глазам. Откуда взялось это леденящее кровь видение на фоне сараев и лугов йоркширской фермы?

Вопли фермерши становились все пронзительней, переходя в истерический хохот, но внезапно она умолкла и медленно направилась к окну. Страшное лицо расплылось в дружеской ухмылке, «Фу-Манчу» выпростал руку из рукава и растопырил пальцы.

– Так это же Игорь! – ахнула фермерша и грозно повернулась к мужу. – И в моем праздничном халате! Это ты его подучил, черт паршивый!

Фермер захлебывался смехом, обмякнув в кресле, – его шуточка удалась как нельзя лучше.

Игорь был одним из военнопленных, недавно водворившихся на ферме. В конце войны их сотнями отправляли трудиться на земле, что устраивало всех: фермеры получали вдоволь рабочей силы, а пленные только радовались возможности дожидаться репатриации, проводя много времени на свежем воздухе и питаясь – если учесть жесткое рационирование и карточки – прямо-таки по-царски. И даже я получил некоторую передышку от вечной необходимости одному справляться с задачей, требовавшей нескольких рук. Помощников у меня теперь появилось хоть отбавляй: они всегда были рады поразмяться, возясь с коровой или лошадью. Все-таки развлечение.

Естественно, подавляющую часть военнопленных составляли немцы, но на фермах работали еще итальянцы и, как ни странно, русские. Я даже растерялся, когда на станции вдруг увидел, что из вагонов выходят сотни, как мне показалось, китайцев в немецких шинелях. Потом я узнал, что это были татары, завербованные немцами и попавшие в английский плен. Игорь был одним из них.

Я знаю немало фермерских семей в наших краях, которые и по сей день ездят погостить у немцев и итальянцев, которых пригостили в ту пору.

Меня все еще душил смех, а фермерша все еще разделывала мужа под орех, когда я сел в машину и справился со списком вызовов.

«Престон, Скарт-лодж, – значилось там. – Хромая корова». Езды было минут двадцать, и я, как обычно, перебирал в уме всякие возможности. Нагноение? А может быть, придется пустить в ход копытный нож. Или просто растяжение... Ну, увидим!

Хэл Престон как раз гнал с луга мою пациентку, и диагноз я поставил прямо в машине. Никакой радости он у меня не вызвал.

³ *Фу-Манчу* – персонаж серии приключенческих романов, всемогущий и таинственный восточный ученый, строящий всякие козни против положительных героев.

Корова еле брела: правая задняя, словно укоротившаяся нога только чуть касалась земли, свисая почти под животом. А огромная шишка в области таза, несомненно, была выпирающей из-под кожи головкой бедра. Вертикальное смещение. Типичное – дальше некуда.

– Утром это с ней приключилось, – сказал фермер. – Вечером все вроде в порядке было. Ума не приложу...

– Все понятно, мистер Престон, – перебил я. – Вывих бедра.

– А это серьезно?

– Да. И очень. Видите ли, чтобы водворить головку кости назад во впадину, требуется огромное усилие. Даже с собакой бывает много возни, а уж с рогатым скотом положение иногда оказывается совсем безвыходным.

Фермер помрачнел.

– А, прах его возьми! Корова-то отличная. Такой удойной – поискать! Ну а вправить не сможете, что тогда?

– Боюсь, она так калеккой и останется. У собак иногда образуется надежный ложный сустав. Но не у коров. По правде говоря, многие хозяева сразу решают: чем возиться, лучше тут же прирезать беднягу.

– Черт! Этого я не хочу! – Хэл Престон энергично потер подбородок. – Попробуем, а?

– Отлично. Мне это тоже больше по душе. – Я повернулся к машине. – Сейчас съезжу за намордником для хлороформа, а вы пока не заглянули бы к соседям позвать парней покрепче? Лишним никто не будет.

Фермер обвел взглядом зеленые просторы холмов, где не видно было никаких признаков жилья.

– До моих соседей далековато будет. Да только нынче и без них обойдемся. Вот посмотрите!

Он повел меня на кухню, полную аппетитного благоухания жареной колбасы. Вокруг стола сидели четверо дюжих немцев. Перед каждым стояла тарелка с грудой картошки, капусты, грудинки и колбасы.

– Их прислали помочь мне с сенокосом, – объяснил мистер Престон. – Судя по виду, толк от них будет!

– Вы правы. – Я улыбнулся и приветственно поднял ладонь. Пленные повскакали из-за стола и наклонили головы. – Чудесно, – сказал я фермеру. – Вы пока обедайте. Я вернусь через полчаса.

Когда я вернулся, мы отвели корову на лужок с мягкой травой. Она с трудом ковыляла, волоча почти бесполезную заднюю ногу.

Я пристегнул намордник к рогам и накапал хлороформа на губку. Корова вдохнула невидимые пары, широко открыла глаза от изумления, шагнула вперед и опустила на траву.

Я просунул ей под ногу круглый кол, поставил у его концов двух самых дюжих пленных, обвязал ногу веревкой чуть выше плюсны, а конец веревки вручил мистеру Престону и двум оставшимся немцам.

Завершив приготовления, я согнулся над крестцом и уперся обеими ладонями в головку бедренной кости. Останется ли она упрямо в этом положении, или я почувствую, как она заскользит вверх по краю впадины на свое законное место?

Ну, будь что будет! Глубоко вздохнув, я крикнул:

– Тяните!

Троица изо всех сил потянула веревку, и на мощных загорелых руках справа и слева от меня вздулись бугры напряженных мышц.

Несомненно, такое перетягивание каната с коровой посередке – зрелище не из самых величественных. А уж научности – ни малейшей. Но в сельской практике так оно чаще и бывает.

Впрочем, мне было не до теоретических рассуждений: все мои мысли сосредоточились на шишке у меня под ладонями.

– Тяните! – вновь завопил я и вновь услышал натужные побряхтывания.

Я стиснул зубы. Проклятая головка не шелохнулась. Неужто и эти усилия не возымеют действия? Кость сохраняла каменную неподвижность.

Я уже готов был признать себя побежденным, как вдруг ощутил под пальцами легкое движение. Остальное заняло несколько секунд. Под моим отчаянным нажимом головка приподнялась и с громким щелчком вошла во впадину. Победа осталась за нами!

Я даже руками замахал от восторга.

– Отлично! Бросайте веревку! – И, на четвереньках перебравшись к голове коровы, снял намордник.

Потом мы все вместе перекатили ее на грудь, и вскоре она уже моргала и встряхивала головой, освобождаясь от дурмана. А я с жадным нетерпением ждал одного из самых дорогих для ветеринара мгновений. И вот корова встала и пошла по лугу, твердо ступая на все четыре ноги. Пять потных физиономий, блестевших в солнечных лучах, озарились еще и радостным изумлением, а я, хотя видел это далеко не впервые, тоже испытал ликующее торжество, которое не может приесться.

Я угостил пленных сигаретами и на прощание поделился с ними чуть ли не половиной моего скудного запаса немецких слов:

– Данке шён, – произнес я от всей души.

– Битте, битте, – закивали они, расплываясь в улыбках. Операция явно доставила им большое удовольствие, и я подумал, что, вернувшись домой, они непременно будут про нее рассказывать.

Несколько дней спустя мы с Зигфридом вылезли из машины на ферме под Харфордом. Вместе мы туда отправились потому, что наш будущий пациент (вол редполлской породы) отличался, как нас предупредили, на редкость дурным нором, а две пары рук всегда лучше, чем одна.

Фермер проводил нас в загон, где двадцать рогатых голов склонялись над кормушками с турнепсом.

– Вот он! – Указательный палец ткнул в сторону огромного раскормленного вола. – А вон штукovina, про которую я вам толковал. – Теперь палец указывал на болтающуюся под брюхом опухоль величиной с футбольный мяч.

Зигфрид вперил в фермера суровый взгляд:

– Послушайте, мистер Гаррисон, почему вы нам раньше не позвонили? Почему допустили, чтобы она так разрослась?

Фермер стащил шляпу с головы и неторопливо поскреб лысую макушку.

– Так вы же знаете, как оно бывает. Я-то давно думал позвонить, только руки все не доходили. Ну, время и прошло.

– А теперь она вон какая!

– Да знаю я, знаю. Только я думал, может, она сама собой отвалится. Уж очень норов у него подлый. Не знаешь, как и подступиться.

– Ну хорошо. – Зигфрид пожал плечами. – Принесите аркан. Отведем его вон в то стойло. А знаете, Джеймс, – продолжал мой партнер, едва фермер отошел, – вовсе она не такая уж страшная, как кажется на первый взгляд. Ножка отличная, и если мы сумеем сделать местную анестезию, то наложим лигатуру и удалим ее в один момент.

Фермер вернулся с арканом. Его сопровождал теперь невысокий брюнет в синем холщовом комбинезоне.

– Это Луиджи, – объяснил фермер. – Итальянец пленный. По-нашему он ни тпру ни ну, зато подмога от него большая, куда ни поставь.

Последнему я поверил легко: рост ростом, но широкие плечи и мускулистые руки говорили о недюжинной силе.

Мы поздоровались. Итальянец в ответ кивнул и неторопливо улыбнулся. Он был исполнен достоинства и уверенности в себе.

Изрядно побегав по загону, мы кое-как сумели водворить нашего пациента в стойло, но тут же поняли, что это только начало.

Редполлы – крупная порода, и при их подлом норове сладить с ними бывает трудновато. Глазки этой жирной скотины злобно поблескивали, и все наши попытки заарканить его завершались фиаско. Он увертывался от веревки, грозно опускал рога и потряхивал головой. Один раз, когда вол тяжело пробежал мимо, я умудрился запустить пальцы ему в ноздри, но он отмахнулся от меня, как от мухи, и, брыкнув задней ногой, больно задел по бедру.

– Сущий слон! – охнул я. – Одному богу известно, как с ним сладить.

Транквилизаторы, чтобы обездвиживать таких великанов, и металлические станки были еще делом будущего. Мы с Зигфридом уставились на вола в некотором унынии, и тут заговорил Луиджи. Его итальянскую тираду никто не понял, но мы разобрались, чего он хочет, когда он вежливо оттеснил нас к стене. Он явно собирался что-то предпринять, но что?

А Луиджи осторожно подкрался к волу и молниеносно ухватил его за ухо обеими руками. Вол ринулся вперед, но уже не столь самозабвенно, как раньше. Луиджи закрутил ухо, и это, видимо, сыграло роль тормоза: во всяком случае, вол остановился и поглядел на маленького итальянца снизу вверх очень жалобным взглядом.

Я чуть было не расхохотался, но времени предаваться веселью не было – Луиджи мотнул головой в сторону болтающейся опухоли.

Мы с Зигфридом кинулись к волу. В первый раз мы видели, чтобы скотину ловили за ухо, но пускаться в обсуждение было некогда.

Я приподнял опухоль на ладонях, и Зигфрид мгновенно анестезировал ножку. Едва игла погрузилась в кожу, волосатая ножища дернулась, и при обычных обстоятельствах могучий удар заднего копыта вышвырнул бы нас обоих из стойла. Но Луиджи крутанул ухо и убедительно произнес по-итальянски что-то весьма назидательное. Вол сразу присмирел и до конца операции хранил полную неподвижность.

Зигфрид наложил лигатуру и петлей бескровно перерезал ножку. Опухоль плюхнулась на солому. Вот и все.

Луиджи выпустил ухо и принял наши поздравления, любезно кивая и чуть-чуть улыбаясь. Нет, он действительно держался с неподражаемым достоинством.

И теперь, тридцать лет спустя, мы с Зигфридом часто его вспоминаем. Мы оба пытались хватать быков и волов за уши, но без малейшего успеха. Кто же был Луиджи? Дилетант с железными руками или же потомственный крестьянин, применивший какой-то итальянский прием, который освоил еще в детстве?

Ответа на этот вопрос мы так и не знаем.

С овцами в Россию (2)

29 октября 1961 года

– Завтрак, мистер Хэрриот.

Я услышал голос юнги и стук в дверь каюты. Это был первый, утренний, призыв. А за ним через соответствующие промежутки последовали: «обед, мистер Хэрриот», «кофе, мистер Хэрриот», «ужин, мистер Хэрриот». Этот семнадцатилетний паренек с румяным свежим лицом очень старался, чтобы я ничего не пропустил.

Я поспешил в салон. К моему удивлению, он был пуст, но на столе стоял огромный кофейник, возле которого расположились пирамида из ломтей ржаного хлеба и блюда со всевозможными мясными и рыбными закусками – не меньше десяти.

Такие завтраки мне были не слишком привычны, но голод не тетка, и я немедленно принялся за еду. Кофе оказался превосходным, я с наслаждением запивал чудесную селедку с луком, ветчину и удивительно вкусный мясной рулет, как вдруг откуда-то возник юнга и, улыбаясь, поставил передо мной яичницу из двух яиц с грудинкой.

Я удивился, но не испугался и, поглощая яичницу, возрадовался, что у меня никогда не бывает морской болезни: судно довольно заметно кренилось то на левый, то на правый борт.

Вскоре ко мне присоединился помощник капитана, коренастый толстячок, тоже Расмуссен, как и капитан, а затем Хансен, механик, смуглый брюнет с насмешливым лицом. Английский они знали плохо, но мы сумели побеседовать на самые разные темы, включая футбольную лотерею, – оба при каждом удобном случае заполняли бланки прогнозов, но всегда безуспешно.

После завтрака я спустился к овцам. На первый взгляд все они выглядели прекрасно, но тут я заметил, что одна подходит к кормушке, сильно прихрамывая. Я осмотрел копыто и обнаружил небольшое нагноение. Мне говорили, что русские ветеринары проводят осмотр с огромным тщанием, но это копытце они проглядели. Я обработал больное место тетрациклиновым аэрозолем, не сомневаясь, что к тому времени, когда мы приедем в Клайпеду, овца будет совсем здорова. Просто надо повторить эту процедуру еще несколько раз.

Затем я увидел овцу с воспаленными слезящимися глазами. Одну-единственную. Скорее всего, она по дороге в Гуль чем-то их засорила. Я выдавил на глазные яблоки немножечко хлорамфениколовой мази, решив, что смажу их еще раз днем, а потом и вечером.

Осмотр я закончил с приятной мыслью, что моей аптечки пока оказалось вполне достаточно.

Когда настало время обедать, я по дороге в салон прошел мимо камбуза – крохотного закутка, еле вмещавшего кухонную утварь, плиту, духовку и съестные припасы. Ну как можно готовить приличную еду в такой камерке? И тут меня осенило: потому-то завтрак и был столь обильным, что с этих пор нам предстоит питаться бог знает чем, да к тому же состряпанным на скорую руку. Приходилось смириться с мыслью, что до возвращения домой я буду жить впроголодь.

Мы расселись вокруг стола в маленьком салоне, и нам принесли первое – восхитительный суп из спаржи с фрикадельками. На второе подали телячьи отбивные со свиными шкварками, пореем, пряностями и анчоусами. На десерт мы получили пудинг из саго, начиненный персиками и щедро обсыпанный корицей. Попивая кофе и покусывая чудесный датский сыр, я не мог отделаться от ощущения, будто только что отобедал в самом дорогом лондонском ресторане.

Тут в дверь просунулась голова Нильсена, кока, – крупного мужчины в белоснежном фартуке. Я тотчас сказал ему, что готовит он великолепно. Это чрезвычайно ему польстило, хотя и несколько удивило, поскольку все остальные словно ничего другого и не ожидали.

Улыбнувшись еще шире, он быстро закивал: «Спасибо, спасибо, спасибо!» Его глаза, казалось, говорили, что он всю жизнь искал и ждал кого-нибудь вроде меня, и я почувствовал, что теперь на судне у меня есть по крайней мере один друг.

После обеда я вновь отправился на нижнюю палубу, но несколько минут простоял у поручня, вдыхая удивительно свежий воздух. Кругом, насколько хватало глаз, плясали волны, и качка не позволяла даже стоять прямо.

Спустившись вниз, я внимательно осмотрел овец. Меня угнетало неясное подозрение. С самого начала я несколько раз слышал кашель, но не обращал на него особого внимания: все овцы иногда покашливают. Но теперь он раздавался чаще, и в нем различалось такое знакомое мне хрипение!

На этот раз я выяснил, откуда он доносится, и забрался в загон с линкольнами. Я их немного погонял, и спустя несколько секунд они все дружно закашляли. Теперь я знал причину: диктиокаулез.

Я поставил термометр трем-четырем, каждый раз прислоняясь к качающейся стенке, чтобы разглядеть, что он показывает. Впрочем, было ясно, что это не вторичная инфекция, но паразитарный бронхит. А в моем чемодане для его лечения не было ничего.

Правда, когда позднее я сел у себя в каюте писать мои заметки, то пришел к выводу, что заражение невелико и должно пройти само собой, так как овцы были в прекрасном состоянии, получали вдосталь отличного корма и больше не паслись на зараженных лугах. Все равно мне это не нравилось. В Гулле ветеринары не заметили кашля, но в Клайпеде заметят, а мне очень хотелось сдать им абсолютно здоровых животных.

Потом я провел удивительно интересный час на капитанском мостике. Капитан объяснил мне устройство радара и других приборов и показал наше место на карте. Мы шли вдоль голландского побережья, но на таком расстоянии, что суши видно не было.

Меня поразили морские карты. Море выглядело сложным лабиринтом всяческих линий, цифр и надписей, а суша представляла собой сплошное белое пятно.

В шесть тридцать я опять пошел в салон насыщать свою плоть. На столе громоздились горы жареных цыплят с острой начинкой, совсем мне незнакомой, и маринованными огурцами. Затем подали фрукты. Я уж не упоминаю о неизменных блюдах с селедкой, помидорами, салями, солониной, свиной, ветчиной, грудинкой и всяческими датскими колбасами и сырами, нарезанными ломтиками. И еще я забыл упомянуть печеночный паштет и перетопленное сало, которые пользовались особой любовью моих сотрапезников. Сало они намазывали на ржаной хлеб и таким бутербродом завершали каждую еду.

После ужина мы устроились поудобнее и курили часа два, болтая за шнапсом и пивом. Насколько я понял, так они проводили почти все вечера. Мне было очень интересно слушать морские рассказы о разных странах и народах, не говоря уж о всяческих приключениях, выпадавших на их собственную долю.

Кесарево сечение коровы Беллы

– Это Хемингуэй сказал, верно?

Норман Бомонт покачал головой:

– Нет! Скотт Фицджеральд.

Я не стал спорить. Норман редко ошибался в таких вещах. Собственно, это и было в нем особенно привлекательным.

Мне очень нравилось, когда студенты ветеринарных колледжей проходили у нас практику. Они приносили, они подавали, они открывали ворота и скрашивали долгие поездки. Взамен они много узнавали от нас во время этих автомобильных бесед и получали бесценный практический опыт в избранной профессии.

Однако после войны мои отношения с этими молодыми людьми заметно изменились. Я обнаружил, что узнаю от них не меньше, чем они от меня.

Разумеется, причина заключалась в том, что ветеринария как наука сделала огромный скачок вперед. Вдруг стало ясно, что мы не просто коновалы, и внезапно открылась совершенно новая область работы с мелкими животными. Да и в сельской практике появились передовые хирургические методики, а потому студенты оказывались в более выгодном положении, так как знакомились с ними в современных клиниках и операционных.

Писались новые учебники, превращавшие в музейные экспонаты мои зачитанные до дыр справочники, в которых все давалось в сопоставлении с лошадьми. Я и сам был еще молод, но многие переполнявшие мой мозг знания, предмет моей недавней гордости, стремительно утрачивали значение. Флегмона венчика, нагноение холки, заковка, ламинит, шпат – все они отошли куда-то на задний план.

Норман Бомонт учился на последнем курсе и был истинным кладезем сведений, из которого я готов был черпать без конца. Но, кроме ветеринарии, нас объединяла любовь к книгам и чтению. Когда мы оставляли профессиональные темы, разговор обычно переходил на литературу, и общество Нормана приносило мне много радости, а расстояния от фермы до фермы, казалось, стали много короче.

Он был на редкость обаятелен, а манера держаться, не по годам солидная, смягчалась мягким юмором. В двадцать два года он явно обещал обрести немалую внушительность. Это впечатление усиливалось и чуть-чуть грушевидным телосложением, и упрямым желанием обязательно курить трубку.

С трубкой у него что-то не ладилось, но я не сомневался, что он преодолеет все трудности. Я словно видел, каким он будет через двадцать лет: дородный отец семейства покуривает наконец-то покорившуюся ему трубку у топящегося камина в окружении жены и детей. Прекрасный, надежный человек, преуспевающий специалист.

Мимо мелькали каменные стенки, а я опять заговорил о новых операциях.

– Так в университетских клиниках коровам правда делают кесарево сечение?

– Господи, ну конечно! – Норман выразительно взмахнул рукой и поднес спичку к трубке. – Чик-чик, и готово! Самая обычная операция. – Его слова прозвучали бы весомее, если бы их сопровождал клуб сизого дыма. Но он так плотно умял табак в чашечке, что ему не удалось затянуться, как он ни втягивал щеки и ни выпучивал глаза.

– Нет, вы даже не понимаете, какой вы счастливчик, – сказал я. – Подумать только, сколько часов я пролежал на полу в коровниках из-за неправильного положения плода! Производил разъятия, надрывался, чтобы повернуть голову или добраться до ножек. Нет, наверняка я укоротил себе жизнь. А умей я, так от нескольких хлопот избавился бы благодаря простенькой операции! Но, собственно, как ее делают?

Студент снисходительно улыбнулся моему невежеству.

– В сущности, пустяки. – Он снова запалил трубку, прижал табак пальцем и, обжегшись, охнул. Отчаянно помотав головой, он вернулся к теме. – И вроде бы никаких осложнений. Занимает около часа и не требует особых усилий.

– Заманчиво! – Я грустно кивнул. – Пожалуй, я родился слишком рано. И с овцами, наверное, тоже?

– Ну конечно, – небрежно ответил Норман. – Овцы, коровы, свиньи – каждый день то те то другие. И никаких проблем. Проще, чем с собакой.

– Что же, везет вам, молодым. Насмотревшись, самому потом делать куда легче.

– Справедливо! – Студент поднял ладони. – Но, собственно, большинство отелов обходится без кесарева сечения, а потому я всегда рад занести еще одно в свою сводную тетрадь.

Я кивнул. Сводная тетрадь Нормана заслуживала уважения – толстый том в плотном переплете, куда записывались все сколько-нибудь интересные сведения под заголовками, тщательно выписанными красными чернилами. Экзаменаторы всегда обращали большое внимание на эти конспекты, и Норман был вправе рассчитывать, что его тетрадь сыграет самую положительную роль на выпускных экзаменах.

Было последнее августовское воскресенье, за которым следует традиционный понедельник-выходной, и рыночная площадь в Дарроуби весь день кишела туристами и просто любителями длинных прогулок. Всякий раз, лавируя между туристскими автобусами, я с завистью поглядывал на оживленные толпы. Так мало людей вынуждены работать и в праздники!

Под вечер я высадил нашего практиканта у его квартиры и поехал в Скелдейл-хаус выпить чаю. Я еще не допил чашки, когда Хелен встала на телефонный звонок.

– Мистер Бушелл из Сайкмор-хауса, – сказала она. – У него корова телится.

– Черт бы ее побрал! А я-то размечтался, что мы хоть вечер проведем вместе! – Я поставил чашку. – Скажи ему, Хелен, что сейчас приеду. – И улыбнулся. – Ну, хотя бы Норман обрадуется. Он только что говорил, что ему нужен материал для его тетради.

Я не ошибся. Когда я заехал за ним, он даже руки потер от удовольствия и всю дорогу оживленно болтал.

– Я как раз читал стихи, – сообщил он. – Люблю поэзию. Всегда найдется что-то прямо о тебе, о твоей жизни. Ну точно по заказу, я ведь жду чего-нибудь особенного! «В душе у человека всегда надежда правит!»

– Александр Поп, «Опыт о человеке», – буркнул я, не испытывая, в отличие от Нормана, ни малейшего радостного предвкушения. С отелами никогда наперед не угадаешь.

– Ловко! – Студент засмеялся. – Вас не поймает!»

Мы въехали в ворота фермы.

– С вашей легкой руки и меня на стихи потянуло, – сказал я. – Прямо на языке вертится. «Оставь надежду всяк сюда входящий!»

– Данте, естественно! «Ад». Но откуда такой пессимизм? – Он ободряюще потрепал меня по плечу, а я достал резиновые сапоги.

Фермер проводил нас в коровник, и из стойла с соломенной подстилки на нас тревожно посмотрела маленькая корова. На доске у нее над головой было написано мелом «Белла».

– Крупной ее не назовешь, мистер Бушелл, – сказал я.

– А? – Он вопросительно оглянулся на меня, и я вспомнил, что он туговат на ухо.

– Маловата она! – гаркнул я.

Фермер пожал плечами:

– Это уж так. С первым теленком ей трудно пришлось. А доилась потом хорошо.

Снимая рубашку и намыливая руки по плечи, я разглядывал роженицу. Узкий таз мне очень не понравился, и я мысленно вознес молитву всех ветеринаров: пусть хоть теленок будет крохотным!

Фермер ткнул носком сапога в рыжеватый бок, чтобы заставить корову встать.

– Ничем ее не поднимешь, мистер Хэрриот, – сказал он. – С утра пыхтит, и силенок, думается, у нее уже нет никаких.

Эти слова мне тоже очень не понравились. Если корова долго тужится без всяких результатов, значит что-то очень неладно. Да и вид у нее был совсем измученный. Голова поникла, веки устало опустились.

Ну что же, если она не встает, значит придется мне лечь. Когда моя обнаженная грудь уперлась в булыжники, я подумал, что время их ничуть не умягчило. Но тут я ввел руку и забыл про все остальное. Тазовое отверстие оказалось злодейски узким, а за ним... У меня похолодело внутри. Два гигантских копытца, и опирается на них великанья морда с подрагивающими ноздрями. Дальше можно было и не ощупывать, но, напрягшись, я продвинул руку еще дюйма на два и ощутил под пальцами выпуклый лоб, загнанный в узкое пространство, словно пробка в бутылку. Я начал извлекать руку, и мою ладонь вдруг лизнул шершавый язык.

Сидя на корточках, я задрал голову.

– Там слоненок, не иначе, мистер Бушелл.

– А?

Я повысил голос:

– Теленок огромный, и протиснуться наружу он не может.

– Значит, резать будете?

– Боюсь, что нет. Теленок живой, и к тому же ничего не получилось бы. Просто нет места, чтобы работать.

– Да-а... – протянул мистер Бушелл. – А ведь доится она хорошо. Не хочется ее под нож-то.

Я вполне разделял его чувства. Самая мысль о таком исходе была мне глубоко отвратительна. Но... но ведь горизонты распахнулись и уже занялась новая заря! Это был решающий, исторический миг. Я повернулся к студенту:

– Никуда не денешься, Норман! Идеальные показания для кесарева сечения. Как удачно, что вы тут. Будете мной руководить.

От волнения у меня даже дух захватило, и я не обратил внимания на явную тревогу в глазах студента.

Вскочив на ноги, я вцепился мистеру Бушеллу в руку:

– Мистер Бушелл, я хочу сделать вашей корове кесарево сечение.

– Чего-чего?

– Кесарево сечение. Вскрыть ее и извлечь теленка хирургическим способом.

– Через бок его вытащить, так, что ли? Ну, как у баб бывает?

– Совершенно верно.

– Ну-ну! – Брови фермера полезли вверх. – А я и не знал, что и с коровами так можно.

– Теперь можно, – убежденно сказал я. – За последние несколько лет мы далеко ушли.

Он медленно провел ладонью по губам:

– Уж и не знаю. Она же наверняка сдохнет, если вы в ней дырищу вырежете. Так, может, все-таки лучше к мяснику? Хоть что-то за нее получу, а что-то, как ни гляди, лучше, чем ничего, я так думаю.

Я почувствовал, что у меня отнимают мой звездный час.

– Но ведь она совсем худая и маленькая! Ну сколько вам за нее дадут, если пустить ее на мясо? А так мы можем получить от нее живого теленка!

Я нарушил одно из своих самых священных правил: никогда не уламывать клиента, чтобы он поступил по-моему. Но мною овладело какое-то безумие.

Мистер Бушелл молча уставился на меня, а потом все с тем же выражением неторопливо кивнул:

– Ну ладно. Так что вам надо-то?

– Два ведра теплой воды, мыло, полотенца, и, если можно, я прокипячу у вас на кухне кое-какие инструменты.

Фермер направился к дому, а я хлопнул Нормана по плечу:

– Удивительно все удачно складывается. Света достаточно, теленок жив, и мы его спасем, а мистер Бушелл, к счастью, плохо слышит и не заметит, если я буду задавать вам вполголоса вопросы по ходу операции.

Норман промолчал, и я попросил его составить из тючков соломы столик под наши инструменты и разбросать солому вокруг коровы, пока я буду кипятить эти инструменты в кастрюле на кухонной плите.

Вскоре все было готово. Шприцы, шовный материал, скальпели, ножницы, состав для местной анестезии и вата заняли свои места на тючках, застеленных чистым полотенцем. Я подлил антисептического средства в воду и сказал фермеру:

– Мы положим ее на бок, а вы держите голову. Она так измучена, что не будет особенно сопротивляться.

Мы с Норманом уперлись Белле в плечо, и она покорно опрокинулась на бок. Фермер прижал ее шею коленом. Я ткнул Нормана локтем и шепнул, глядя на широкое пространство рыжей шкуры передо мной:

– Где делать разрез?

Норман кашлянул.

– Э... Вот, примерно... – Он неопределенно повел рукой.

Я кивнул.

– Там, где мы оперируем рубец, а? Но только чуть ниже, верно?

Я принялся состригать волосы широкой полосой сантиметров в тридцать. Чтобы извлечь теленка, отверстие понадобится порядочное! Затем я быстро анестезировал операционное поле.

Теперь мы в подобных случаях ограничиваемся местной анестезией, и, пока длится операция, корова спокойно лежит на боку, а то даже и стоит. Она просто ничего не чувствует. Однако кое-какими своими седидами я обязан двум-трем норовистым коровам, которые в самый разгар операции вдруг вскакивали и бросались прочь, а я мчался рядом, стараясь не допустить, чтобы их внутренние органы вывалились наружу.

Но все это еще мне предстояло. А в этот, первый, раз у меня ничего подобного и в мыслях не было. Я рассек кожу, мышечный слой, брюшину, и в разрез выпучилось нечто бело-розовое.

Я потыкал пальцем и ощутил внутри что-то твердое. Неужели теленок?

– Что это? – прошипел я.

– Э? – Норман, стоявший на коленях рядом со мной, нервно подпрыгнул. – Я не понял...

– Ну, это! Рубец или матка? По положению тут вполне может быть матка.

Студент судорожно сглотнул:

– Да... да... матка. Конечно, она.

– Отлично. – Я даже улыбнулся от облегчения и смело сделал разрез. Из-под скальпеля выполз плотный ком пережеванной травы, с шумом вырвались газы и брызнула бурая жидкость. – Черт! – взвыл я. – Это же рубец! Господи боже ты мой! – Грязный вал перекатился в брюшную полость и скрылся из виду. Я не сумел сдержать стонов. – Что это за штучки, Норман, черт вас подери?

Я почувствовал, что он трясется, как в ознобе.

– Да пошевеливайтесь же! – рявкнул я. – Давайте иглу. Живей, живей!

Норман вскочил, кинулся к импровизированному столику, вернулся и трясущимися пальцами подал мне иглу с длинным шлейфом кетгута. Я молча зашил разрез, который сделал не в том органе. Во рту у меня пересохло. Потом мы вдвоем схватили ватные тампоны, чтобы

убрать содержимое желудка из брюшной полости, но значительная его часть уже стекла туда, куда мы не могли добраться. Массированное загрязнение!

Когда мы сделали все, что было в наших силах, я выпрямился, посмотрел на студента и с трудом прохрипел:

– Я думал, вы эти операции знаете как свои пять пальцев.

– В клинике их делают довольно часто... – Глаза у него были испуганные.

Я ответил ему свирепым взглядом.

– Вы-то сколько кесаревых сечений видели?

– Ну... э... по правде сказать, одно.

– Одно! А рассуждали как специалист. Но пусть и одно, что-то ведь вы же должны о них знать?

– Дело в том... – Колени Нормана заерзали по булыжнику. – Видите ли... Я сидел в заднем ряду.

Мне удалось придать своему хрипу саркастический оттенок.

– А-а! Так что толком ничего не разглядели? Так?

– Почти. – Он уныло поник головой.

– Щенок! – шепнул я злобно. – Дает указания, а сам ни черта не знает. Да ты понимаешь, что убил эту прекрасную корову? Перитонит ей обеспечен, и она сдохнет. Единственное, что мы еще можем, – это извлечь теленка живым. – Я заставил себя отвести взгляд от его растерянного лица. – Ну, давай продолжать.

Если не считать моего первого вскрика, весь разговор велся пианиссимо, и мистер Бушелл только вопросительно на нас поглядывал.

Я улыбнулся ему – ободряющей улыбкой, как мне хотелось верить, – и повернулся к корове. Извлечь теленка живым! Легко сказать, но вот сделать? Мне скоро стало ясно, что извлечь его даже мертвым – задача чудовищная. Я погрузил руку поглубже под рубцовый, как мне теперь было известно, отдел желудка и наткнулся на гладкий мышечный орган, лежащий на брюшной стенке. В нем находилось что-то огромное, твердое и неподвижное, точно мешок с углем.

Я продолжал исследование и нащупал характерные очертания заплюсны, упершейся в скользкую стенку. Да, бесспорно, теленок, но как же до него далеко!

Я вытащил руку и вновь уставился на Нормана.

– Но из вашего заднего ряда, – осведомился я со жгучей иронией, – вы все-таки, может быть, изволили заметить, что делают дальше?

– Дальше? А, да-да! – Он облизнул губы, и я вдруг обнаружил, что лоб у него весь в бисеринках пота. – Необходимо экстрагировать матку.

– Экстрагировать? Приподнять к разрезу, что ли?

– Да-да.

– Господи! Да это никакому Геркулесу не под силу! Мне ее ни на йоту не удалось сдвинуть. Вот сами попробуйте!

Студент, который разделся и намылился одновременно со мной, покорно запустил руку в разрез, и минуту я любовался, как он натужно багровеет. Потом он смущенно кивнул:

– Вы правы. Ни в какую.

– Остается одно! – Я схватил скальпель. – Сделаю разрез у заплюсны и ухвачу за нее.

Орудовать скальпелем вслепую, погрузив руку по плечо в темные коровьи недра и высунув язык от напряжения, – что может быть кошмарнее? Меня леденила мысль, как бы ненароком не полоснуть по чему-нибудь жизненно важному, но, к счастью, примериваясь к бугру над заплюсной, я лишь раз-другой порезал собственные пальцы. И несколько секунд спустя уже ухватил волосатую ногу. Уф-ф! Все-таки зацепка.

Осторожно, дюйм за дюймом, я расширил разрез. Ну, авось он теперь достаточно широк. Но когда работаешь на ощупь, никакой уверенности быть не может. В том-то и весь ужас.

Однако мне не терпелось извлечь теленка на свет. Отложив скальпель, я вновь взялся за ногу, попробовал ее приподнять и тут же убедился, что с кошмарами еще далеко не покончено. Тяжелым теленок оказался невероятно, и, чтобы его вытащить, требовались очень мощные руки. Теперь в таких случаях у меня всегда рядом наготове какой-нибудь дюжий парень – раздетый, с обеззараженной по плечо рукой, – но тогда в моем распоряжении был только Норман.

– Давайте же! – пропыхтел я. – Попробуем вместе.

Мне удалось отогнуть заплусну так, что мы могли оба разом ухватить ногу над копытцем, но все равно приподнять эту тяжесть к разрезу в коже стоило нам дикого напряжения.

Стиснув зубы, мучительно крича, мы тянули, тянули, пока я наконец не сумел взяться за другую заднюю ногу. Но и тогда теленок не сдвинулся с места. От обычного трудного отела отличие было лишь одно: тянули мы его через разрез в боку. И когда, откинувшись, задыхаясь и потев, мы собрались с последними силами, меня охватило чувство, знакомое всем ветеринарам. Ну зачем, зачем, зачем мне понадобилось делать эту жуткую операцию? Я от всего сердца, от всей души сожалел, что воспротивился намерению мистера Бушелла прибегнуть к услугам мясника. Ехал бы я сейчас тихо-мирно по очередному вызову, а не надрывался бы тут до кровавого пота. Но даже хуже физических мук было жгучее сознание, что я совершенно не знаю, чего ждать дальше.

Тем не менее теленок мало-помалу поддавался нашим усилиям. Вот из разреза появился хвост, затем немисливо массивная грудная клетка, а затем на одном рывке – плечи и голова.

Мы с Норманом плюхнулись на булыжник, теленок скатился нам на колени, и словно солнечный луч озарил кромешный мрак: он отфыркивался и тряс головой.

– Ну прямо великан! – воскликнул фермер. – Да и боек.

Я кивнул:

– Очень, очень крупный. Таких крупных мне редко доводилось видеть. – Я ощупал новорожденного. – Ну конечно, бычок. Обычным путем ему бы ни за что не протиснуться.

И тут же мое внимание вновь сосредоточилось на корове. Куда, во имя всего святого, девалась матка? Исчезла без следа. Я вновь принялся отчаянно шарить в брюшной полости. Мои пальцы тотчас запутались в клубке плаценты. О черт, самое ей место среди кишок! Плаценту я вытащил, бросил на пол, но матки все равно не нащупал. На одно пронзительное мгновение я представил себе, что будет, если я так и не сумею ее нащупать. Но тут мои пальцы задели рваный край надреза.

Насколько это было возможно, я приподнял матку к свету, и у меня екнуло сердце: разрез для такого огромного теленка оказался все-таки маловат, и по стенке в сторону шейки змеился длиннющий разрыв, конца которого не было видно.

– Иглу!

Норман сунул мне в пальцы новую иглу.

– Стяните края раны, – буркнул я и начал шить.

Шил я как мог быстро, и все шло отлично, пока я видел, что делаю. Но затем начались муки. Норман как-то умудрялся сводить края незримой раны, а я слепо тыкал иглой, вонзая ее то в его пальцы, то в собственные. И тут, к моему вящему отчаянию, возникло совсем уж неожиданное осложнение.

Теленок встал на ноги и, пошатываясь, сделал первые шажки. Меня всегда умиляло, как быстро такие новорожденные начинают проявлять самостоятельность, но в данном случае она была явно излишней.

Ища вымя, по зову еще не объясненного инстинкта, теленок тыкался мордочкой в бок коровы, время от времени попадая головой в зияющую там дыру.

– Назад ему приспичило забраться, не иначе, – с широкой ухмылкой объявил мистер Бушелл. – Ну, боек! Вот уж боек!

Это излюбленное йоркширское определение вполне отвечало случаю. Я шил, прищурив глаза, стискивая зубы, и то и дело отталкивал локтем влажный нос. Но теленок не унимался, и с тоскливой покорностью судьбе я замечал, как всякий раз он добавлял к содержимому брюшной полости все новые и новые порции соломинок и грязи с пола.

– Вы только поглядите, – охнул я. – Как будто там и без того мусора мало!

Норман ничего не ответил. Челюсть у него отвисла, по забрызганному кровью лицу струился пот, но он продолжал сводить края невидимой раны. И в его неподвижном взгляде я прочел нарастающее сомнение: не свалил ли он большого дурака, решив стать ветеринаром?

В дальнейшие подробности я предпочту не вдаваться. Зачем терзать себя воспоминаниями? Достаточно сказать, что по истечении вечности я зашил разрыв матки до места, куда доставали мои руки, затем мы очистили брюшную полость, насколько это было возможно, и засыпали там все антисептическим порошком. Отражая непрерывные атаки теленка, я сшил мышцы и кожу, и наконец операция завершилась.

Мы с Норманом поднялись на ноги медленно-медленно, точно два дряхлых старца. Еще дольше я распрямлял спину, следя, как студент нежно растирает свою поясницу. Затем мы приступили к долгой процедуре соскабливания и смывания запекшейся на нашей коже крови и грязи.

Мистер Бушелл покинул свой пост у коровьей головы и оглядел длинный ряд стежков на выстриженной полосе кожи.

– Аккуратная работа, – одобрительно сказал он. – И теленок преотличный.

Да, хоть это-то было верно. Бычок успел обсохнуть и выглядел красавчиком. Туловище чуть покачивалось на неверных ногах, широко расставленные глаза взирали на мир с кротким любопытством. Но о том, что прятала «аккуратная работа», мне страшно было и подумать.

Антибиотики все еще не поступили в широкое употребление, но в любом случае я знал: положение коровы безнадежно. Только для успокоения совести я вручил фермеру сульфаниламидные порошки – давать ей трижды в день. И поторопился убраться с фермы.

Некоторое время мы ехали молча. Потом я остановил машину под деревом и упал лбом на баранку.

– Черт! – простонал я. – Словно в дерьме весь обмазался! – Норман только застонал в ответ, и я продолжал: – Нет, вы когда-нибудь видели такую операцию? Солома, грязь, содержимое рубца в брюшной полости бедолаги! Знаете, о чем я под конец думал? Вспоминал старинный анекдот про хирурга, который забыл шляпу в животе пациента. То же самое, только похуже.

– Угу, – придушенно шепнул студент. – И все по моей вине.

– Вовсе нет, – возразил я. – Я сам натворил бог знает чего и начал сваливать на вас, потому что был в панике. Я наорал на вас и должен извиниться.

– Да что вы! Право же, мне...

– В любом случае, Норман, – перебил я, – от души вас благодарю. Вы мне очень помогли. Работали как одержимый, и без вас у меня вообще ничего бы не получилось. Давайте-ка выпьем пивка.

Мы удалились в тихий уголок деревенского трактира, озаренный косыми лучами заходящего солнца, и припали к нашим кружкам. Мы оба совсем вымотались, и нас мучила жажда.

Первым молчание нарушил Норман:

– Как вам кажется, есть у коровы шанс выкарабкаться?

Я уставился на свои порезанные, исколотые пальцы.

– Нет, Норман. Перитонита не избежать. А к тому же почти наверное в матке осталась порядочная дыра. – И я хлопнул себя по лбу, прогоняя мучительное воспоминание.

Никаких сомнений, что больше Беллу живой я не увижу, быть не могло, но болезненное любопытство погнало меня утром к телефону. Протянула она хоть сколько? Или нет?

Гудки в трубке раздавались невыносимо долго, но наконец мистер Бушелл подошел к телефону.

– А, мистер Хэрриот! Белла? Да встала и начала есть. – В голосе у него не слышалось ни малейшего удивления.

Миновало несколько секунд, прежде чем до меня дошел смысл его слов.

– А как она выглядит? Понурой? Тревожной?

– Да нет. Бодрая такая. Полную кормушку сена очистила, а я с нее надоил два галлона.

Будто сквозь сон я услышал его вопрос:

– А когда вы приедете швы снимать?

– Швы?.. Ах да! – Я с трудом взял себя в руки. – Через две недели, мистер Бушелл. Через две недели.

После ужасов нашего первого визита на ферму я был рад, что Норман сопровождал меня, когда я приехал туда снимать швы. Белла выглядела совершенно нормально, и, пока я щелкал ножницами, она продолжала безмятежно жевать жвачку. В соседнем стойле прыгал и брыкался теленок. Но я не удержался и спросил:

– И по ней ничего видно не было, мистер Бушелл?

– Да нет. – Фермер покачал головой. – Такая же была, как всегда. Не хуже и не лучше. Словно бы ее и не резали.

Вот так я провел мое первое кесарево сечение. С течением времени Белла принесла еще восемь телят без всяких осложнений и посторонней помощи. Чудо, в которое мне и сейчас трудно поверить.

Но тогда мы с Норманом, естественно, этого знать не могли. И ликовали просто от огромного облегчения, на которое не смели и надеяться.

Когда мы выехали за ворота, я покосился на улыбающееся лицо студента.

– Ну вот, Норман, – сказал я. – Теперь вы знаете, что такое ветеринарная практика. Жутких переживаний хватает, но зато вас ждут и чудесные сюрпризы. Я много раз слышал, что брюшина у коров нелегко поддается инфекции, и, слава богу, убедился теперь в этом на опыте.

– Нет, это просто волшебство какое-то, – пробормотал он задумчиво. – Не знаю, как выразить, что я чувствую. В голову так и лезут цитаты вроде «Пока есть жизнь, есть и надежда».

– Совершенно верно, – ответил я. – Джон Гей, э? «Больной и ангел»?

Норман захлопал в ладоши:

– Отлично.

– Ну-ка, ну-ка... – Я на секунду задумался. – А вот, например: «То славная была победа».

– В точку! Роберт Саути, «Бленхеймская битва».

Я кивнул:

– Она самая.

– Ну а это: «В крапиве опасности мы рвем цветок спасенья».

– Великолепно! – отозвался я. – Шекспир, «Генрих Пятый».

– А вот и нет. «Генрих Четвертый».

Я хотел было заспорить, но Норман предостерегающе поднял ладонь:

– И не возражайте. Я прав. На этот раз я действительно знаю, о чем говорю.

С овцами в Россию (3)

30 октября 1961 года

В половине седьмого утра мы вошли в Кильский канал. У его западного конца есть маленький городок и большой шлюз. Проходили мы этот шлюз примерно полчаса, взяв на борт немецкого полицейского и датского лоцмана. Полицейский приглядывал, чтобы мы не загрязняли канал: не бросали в него навоз и гнилую солому. В новенькой голубой форме с двумя нашивками на плечах он выглядел очень щеголевато. Мы приятно провели время, болтая о том о сем. И как многие иностранцы, он заставил меня устыдиться: он-то прекрасно говорил по-английски, а я по-немецки не мог и двух слов связать.

Каким наслаждением было скользить по спокойной воде канала! Я стоял на нашей крохотной палубе и разглядывал всевозможные типы судов, которые им пользуются. Увидел я и несколько военных кораблей. Молодые матросы в шапочках набекрень весело махали мне с их палуб.

Берега по сторонам были плоскими. Пашни перемежались рощами, очень красивыми в своем осеннем уборе. Мимо проплывали деревни с прелестными домами – высокие крутые крыши и окошки под самым коньком.

Примерно через шесть часов мы достигли восточного конца канала. Там на борт поднялся какой-то чиновник и проштемпелевал мой паспорт, а потом поставил штамп на мою фамилию в судовой роли, ибо утром меня официально зачислили в команду. Как-то странно было прочесть в конце списка датских фамилий «Джеймс Хэрриот, суперкарго». Я сразу вырос в собственных глазах. Суперкарго! Мне впервые довелось занимать столь звучную должность.

Утром овцы выглядели прекрасно, хотя линкольны все еще хрипло покашливали. Овца с больными глазами почти совсем выздоровела, но хромя овца на поправку не пошла. Она хромала даже сильнее, и у нее поднялась температура. А потому я перевел ее в отдельный загончик и к антибиотическому аэрозолю добавил инъекцию пенициллина. Явно инфекция оказалась более сильной, чем я думал.

Моим постоянным помощником был тот самый матрос, который заговорил со мной в первый вечер. Молодой гигант с льняными волосами и боксерским расплюснутым носом, что нисколько не лишало обаятельности его улыбку, Раун обладал на редкость добрым сердцем и очень любил животных. Когда мы водворили хромя овцу в ее новое жилище, он опустился рядом с ней на колени и крепко обнял шею, укутанную густой шерстью. Я заметил, что у него вообще была такая привычка. Особенно неотразимыми для него были массивные бараны породы ромни-марш, напоминавшие, как я уже говорил, больших плюшевых мишек. Лучшего помощника мне не требовалось.

Канал расширился – мы входили в Балтийское море. Еще виднелся город Киль со множеством судов у причалов. За внушительным памятником немецким солдатам, павшим в Первую мировую войну, потянулись пустынные песчаные пляжи, над которыми кое-где прятались летние дачки.

Мы повернули в открытое море, и, отыскав укромный уголок, я занялся подскоками и бегом на месте, решив проделывать такую зарядку каждый день. Простого хождения вверх-вниз по трапам было явно мало, чтобы уравнивать нильсеновские завтраки, обеды и ужины.

Кроме того, я решил проводить последнюю ежедневную проверку овец в десять вечера вместе с Рауном, чтобы было кому держать животное, которое потребовало бы тщательного

осмотра. В этот вечер мне сказали, что Раун стоит на руле, может быть, я поднимусь на мостик? Его скоро сменят.

Качка заметно усилилась, и я выбрался на верхнюю палубу с некоторым трудом. «Вот оно!» – радостно думал я, пробираясь вперед в чернильном мраке, а меня обдавало брызгами, ноги скользили по мокрому настилу, который то и дело уходил из-под них, и мне приходилось хвататься за что попало, лишь бы не упасть.

Кое-как я вскарабкался на мостик, и мной овладела жуть. Днем он выглядел совсем другим! А теперь все окутывала непроницаемая тьма, и прошло много времени, прежде чем мне удалось различить одинокую фигуру у штурвала.

Когда мы с Рауном спустились на нижнюю палубу, я в заключительный раз смазал овце больные глаза и сделал инъекцию пенициллина ее охромевшей товарке. Овец, пытавшихся стоять на ногах, швыряло из стороны в сторону, но чувствовали они себя, казалось, неплохо. Однако я с тревогой подумал, какими найду их утром, – по словам Рауна, капитан сказал, что впереди нас ждет хороший шторм.

– А вы все равно идите выпить со мной пива, – сказал молодой великан.

– Спасибо, – ответил я.

Мы поднялись в салон и расположились там. Взяв у Рауна сигарету «Кэмел», я посмотрел на других членов команды. Все они, в противоположность своему темноволосому начальству, принадлежали к одному северному типу: густые белокурые волосы, великолепное телосложение, широкие плечи, гигантский рост. Все они были веселыми и очень вежливыми.

Раун на ломаном английском рассказывал мне о себе: ему двадцать восемь лет, в море ходит с четырнадцати, женат, и у него двое детей – совсем еще малыши. Улыбаться он перестал, только когда под конец нагнулся ко мне через стол и потыкал меня в грудь:

– Доктор, в мое последнее плавание мы шли с двумястами коровами из Дублина в Любек. А пришли в Любек – пять умерли.

Я присвистнул:

– Скверно! Но разве при них не было ветеринара?

– Нет-нет. – Лицо с расплюснутым носом стало очень серьезным. – Доктора не было. Хорошо, что вы приглядываете за овцами.

Гм, гм! Может быть, я все-таки недаром ем их бутерброды?

Я поблагодарил его, пожелал всем доброй ночи и пошел к себе в каюту. Как раз напротив нее была дверь балкончика на корме. Я уже завел манеру выходить туда, чтобы глотнуть свежего воздуха на сон грядущий. На этот раз там ревел ветер и окружающая темнота почти сразу же прятала наш пенный след. В вышине мерцали мириады звезд, и я тотчас нашел Большую Медведицу и Полярную звезду. Не требовалось быть опытным навигатором, чтобы определить наш курс. Мы шли прямо на восток.

Писать дневник было затруднительно, потому что каюту все время резко кренило то туда, то сюда. Капитан, видимо, не ошибся: шторм и вправду обещал быть хорошим.

Твердый принцип Роберта Максвелла

Всякий добросовестный ветеринар испытывает ужас при мысли, что он может убить своего пациента. Я говорю не об усыплении, кладущем конец страданиям, которые все равно завершились бы смертью, но о тех случаях, когда изо всех сил стараешься вылечить и ненароком убиваешь.

Вероятно, так случалось со многими из нас, и, по-моему, выпало это и на мою долю. Уверенности у меня нет, однако тот случай нейдет у меня из памяти.

Все началось с того, что к нам приехал молодой представитель фармацевтической фирмы и принялся восхвалять замечательное новое лечение копытной гнили.

В те дни это была поганая штука. Название явно восходило к седой старине, хотя теперь мы знали, что причина – внедрение в межкопытную щель анаэробного микроба *Fusiformis necrophorus* (обычно через ранку или ссадину).

В пораженном месте происходило отмирание ткани, нижний сустав опухал, животное сильно хромало. Из-за одной лишь боли упитанная корова стремительно превращалась в скелет. Омертвевшая ткань отвратительно пахла, что и нашло отражение в средневековом названии.

Способы лечения варьировались от утомительных до героических. Задняя нога коровы не приспособлена для того, чтобы ее задирать, и мне всегда становилось легче на душе, когда речь шла о передней ноге. Ведь даже обработать антисептическим средством заднюю ногу было сложной задачей. Если это не помогало, накладывалась повязка из ваты, пропитанной чем-нибудь едким, например медным купоросом. Фермеры же всему предпочитали смесь дегтя с солью. Но в любом случае возни бывало много, не говоря уж о неприятной возможности получить копытом в лоб.

Вот почему я просто не поверил своим ушам, когда молодой коммивояжер заверил меня, что внутривенное введение препарата МБ-693 мигом прекратит процесс.

Я даже не удержался от смешка.

– Разумеется, вы должны зарабатывать себе на жизнь, но даже для рекламы это уж чересчур.

– Да нет же, все именно так и есть, – объявил он. – Проверка проведена полная, и, даю вам слово, я ничего не преувеличил.

– И к ноге даже прикасаться не надо?

– Только чтобы поставить диагноз.

– А скоро ли наступает излечение?

– Через пару-другую дней. Иногда же корове становится заметно лучше еще до истечения суток, можете мне поверить. Сбывшаяся мечта!

– Хорошо, – сказал я. – Пришлите на пробу. Испытаем его в деле.

Он сделал пометку в своем блокноте, а потом снова поглядел на меня:

– Должен вас предупредить, что вводить препарат необходимо строго в вену. Если он попадет под кожу, может возникнуть абсцесс.

Он попрощался, а я, глядя ему вслед, спрашивал себя: неужели и правда можно будет навсегда забыть об одной из самых мучительных процедур в нашей практике? Мне не раз уже доводилось благословлять спасительные таблетки МБ, творя с их помощью маленькие чудеса. И все-таки с трудом верилось, что внутривенная инъекция может прекратить некроз в ноге.

Препарат я получил, но убедить фермеров оказалось не легче, чем меня самого.

– Чего вы ей в шею-то колете? В ногу надо, в ногу!

Или:

– И вы что, уже кончили? А ногу мне ей чем мазать, а?

Это говорили буквально все, и я отвечал не без запинки, потому что в глубине души разделял их сомнения.

Но, ах, как магически мы все переменили точку зрения, едва выяснилось, что молодой человек ни в чем не уклонился от истины! Очень часто корова уже к вечеру свободно наступала на пораженную ногу, опухоль спадала, боль исчезала. Колдовство, да и только!

Это был колоссальный шаг вперед, и я все еще пребывал в радостном опьянении, когда приехал посмотреть корову Роберта Максвелла. Воспаленный опухший сустав, мучительные скачки на трех ногах, зловонные выделения – ну, словом, классическая картина.

Вид был скверный, что привело меня в особый восторг: как я успел убедиться, именно в худших случаях при тяжелой хромоте и поражении всей межкопытной ткани выздоровление наступало наиболее быстро.

– Уж придется повозиться! – буркнул ее хозяин, невысокий человек лет сорока с большим хвостиком. Он отличался кипучей энергией и принадлежал к наиболее любознательным фермерам в наших краях. Обязательно выступал на собраниях дискуссионного клуба, всегда готов был набраться нового и поделиться собственным опытом.

– А вот и нет, мистер Максвелл, – ответил я небрежно. – Теперь мы ограничиваемся инъекцией, ногу же не трогаем. Даже без повязки обходимся. С этим навсегда покончено.

– Что же, хорошее дело. Задирать коровам ноги радость невелика. – Он нагнулся к больной ноге. – А куда вы эту инъекцию делаете?

– В шею.

– Как – в шею?

Я ухмыльнулся, в который раз смакуя это безыскусное удивление.

– Совершенно верно. В яремную вену.

– Ну что же, каждый день жди чего-нибудь новенького! – улыбнулся Роберт Максвелл и пожал плечами. Но возражать не стал. Просвещенные фермеры вроде него в споры никогда не вступали. Только тупоголовые упрямцы все сами знали – и получше некоторых прочих.

– Просто подержите ее за морду, – сказал я. – Вот-вот, а голову ей чуть поверните. Отлично! – Я прижал яремную вену пальцем, она вздулась, как садовый шланг, и я ввел в нее иглу. Раствор МБ поступал в кровь около двух минут. Затем я извлек иглу. – Вот и все, – сказал я не без самодовольства.

– И больше ничего?

– Абсолютно ничего. Выкиньте из головы. Через два-три дня корова хоть танцевать сможет.

– Прямо уж и не знаю! – Роберт Максвелл взглянул на меня с легкой усмешкой. – Вы, молодые ребята, все время мне что-нибудь новенькое преподносите. Я вот фермером родился, но вы такие штуки отчебучиваете, что мне и не снилось.

Неделю спустя мы с ним встретились на собрании дискуссионного клуба.

– Ну, как корова? – спросил я.

– Как вы и сказали. Здоровехонька. Да, это ваше снадобье гниль сразу убирает. Что верно, то верно. Ну просто волшебство.

Я весь надулся гордостью, но тут его лицо посерьезнело.

– Только у нее на шее такой желвак вздулся!

– Там, где я сделал укол?

– Ну да.

От моего счастливого настроения не осталось и следа. Что-то было не так. Может быть, раствор попал под кожу? Да нет, когда я извлек иглу, из нее так и била кровь.

– Странно, – сказал я вслух. – Откуда бы ему взяться?

Роберт Максвелл кивнул:

– Вот и я голову ломаю. Как вы уехали, я эту корову обрызгал раствором от мух. Он в ранку от иглы попасть не мог?

– Не-ет... Думаю, что нет. Я ни о чем подобном не слышал. Надо на нее посмотреть.

Отправился я к Роберту Максвеллу прямо с утра. Он ничего не преувеличил. Однако заметная припухлость на шее не ограничивалась местом инъекции. Она тянулась над яремной веной, которая была напряжена и на ощупь казалась совсем твердой. Вокруг припухлости нарастал отек.

– У нее флебит, – сказал я. – Моя инъекция каким-то образом занесла в вену инфекцию.

– Как это?

– Сам не знаю. Что раствор под кожу не попал, я уверен, а игла была стерильной.

Фермер внимательно оглядел шею.

– Но на абсцесс ведь не похоже?

– Нет, – ответил я. – Это не абсцесс.

– А твердый валик, который к челюсти идет, это что?

– Тромб.

– Что-о?

– Тромб. Большой сгусток в вене.

Мне эта маленькая лекция ни малейшего удовольствия не доставляла: ведь причиной всему был я!

Роберт Максвелл посмотрел на меня вопросительно:

– Ну и что будет? Что надо делать?

– Обычно через неделю-другую создается дополнительный кровоток. То есть другие вены берут эту работу на себя. А пока я проведу курс смешанных сульфаниламидных порошков.

– Ну что же, – сказал фермер. – Она вроде бы и не замечает ничего.

Это был единственный проблеск надежды. Корова, пока мы переговаривались, спокойно на нас поглядывала, а теперь вытянула из кормушки клочок сена.

– Пожалуй, это ее действительно не беспокоит. Мне очень жаль, что так получилось, но дайте ей время – и все пройдет.

Он почесал корову у основания хвоста.

– А если горячей водой обмывать, не поможет?

Я замотал головой:

– Ради бога, не касайтесь ее шеи! Если тромб разбить, это может плохо обернуться.

Я оставил порошки и уехал, но меня угнетало знакомое чувство, появлявшееся всегда, стоило мне свалить дурака. Я крепче сжал баранку и выругался себе под нос. Что я мог натворить? Шприцы одноразового пользования тогда еще не появились, но мы с Зигфридом всегда тщательно кипятили свои шприцы с иглами, хранили их в медицинском спирте и с собой брали тоже в коробочках со спиртом. Остальное от нас не зависело. Может быть, все-таки раствор от мух? Вряд ли, вряд ли...

Я попробовал утешиться мыслью, что корова выглядит совершенно здоровой. Со временем все пройдет бесследно. Но факт-то оставался фактом: у коровы была самая обычная копытная гниль, пока не вмешался Джеймс Хэрриот, дипломированный ветеринар. И теперь у нее флебит яремной вены.

Утром Хелен только-только посадила меня завтракать, как затрезвонил телефон. Звонил Роберт Максвелл.

– Корова-то сдохла, – сказал он.

Я тупо уставился в стену перед собой и только через несколько секунд сумел выдавить хриплое:

– Сдохла?..

– Угу. Утром вхожу в стойло, а она лежит. Словно ее громом пришибло.

– Мистер Максвелл... я... э... – Мне пришлось откашляться. – Я очень сожалею. Ничего подобного я не ожидал.

– Ну а причина в чем? – Голос фермера был спокойно-деловитым.

– Объяснение есть только одно, – ответил я. – Эмболия.

– А это что?

– Значит, от тромба отделился кусок и кровь его унесла. Когда такой комочек попадает в сердце, обычно наступает смерть.

– А-а! Вроде бы похоже.

Я сглотнул.

– Мистер Максвелл, мне хотелось бы еще раз сказать, что я очень сожалею...

– Да что там... – Небольшая пауза. – В хозяйстве и не такое случается. Я же просто хотел вас предупредить. Доброго вам утра.

Я повесил трубку. В горле у меня поднялся комок, и, вернувшись к столу, я молча уставился в тарелку.

– Джим, что же ты не ешь? – спросила Хелен.

Я грустно поглядел на ломоть домашней ветчины.

– Прости, Хелен. Не могу. У меня кусок в горло нейдет.

– Это что-то новое! – Моя жена улыбнулась и придвинула тарелку поближе ко мне. – Я знаю, как близко к сердцу ты принимаешь свою работу. Но прежде аппетита она тебе не портила.

Я тоскливо пожал плечами:

– Но я же никогда раньше коровы не убивал.

Правда, полной уверенности у меня не было – и сейчас нет, – но мысль эта терзала меня еще очень долго. В принципе, я стараюсь следовать наполеоновской рекомендации – «сбрасывайте с себя тревоги вместе с одеждой» – и с бессонницей не знаком, однако еще много ночей меня преследовали набухшие яремные вены с плывущими в крови тромбами, и я просыпался в холодном поту.

И еще меня продолжал ставить в тупик мой последний телефонный разговор с Робертом Максвеллом. Почти любого человека такая потеря привела бы в ярость, и Роберт Максвелл имел вполне законное право отделать меня на все корки. Но он не только не был со мной груб, но даже ни в чем меня не упрекнул.

Разумеется, оставалась возможность, что он намерен предъявить мне иск. Он был приятным человеком, но все-таки понес большие убытки, и даже заурядный адвокат сумел бы убедительно доказать, что я обязан нести финансовую ответственность.

Однако письма со штемпелем юридической конторы я так и не получил. Почти на месяц Максвелл вообще исчез с моего горизонта, и я, привыкнув регулярно посещать его ферму, пришел к выводу, что он сменил ветеринара. Значит, по моей вине мы лишились хорошего клиента. Мысль тоже малоутешительная.

Затем в один прекрасный день зазвонил телефон, и Роберт Максвелл сказал все тем же спокойным тоном:

– Приехали бы вы, мистер Хэрриот, посмотреть одну мою корову. Что-то с ней неладно.

У меня от облегчения даже ноги подкосились. Ни слова о прошлом, а обращение за помощью, словно ничего не произошло. В йоркширских холмах немало найдется фермеров с чутким сердцем. Максвелл был одним из них. Во мне вспыхнуло горячее желание выразить ему свою признательность делом.

Вот если бы я сумел вылечить серьезно заболевшее животное быстро, а главное – эффективно! На этой ферме мне предстояло навестывать и навестывать.

Роберт Максвелл встретил меня с обычной мягкой вежливостью.

– Хороший дождичек вчера выпал, мистер Хэрриот, а то трава совсем уж жухнуть стала.

Словно и не было моего последнего трагического визита.

Корова оказалась крупной, фризской породы, и при первом же взгляде на нее все мои надежды на эффективное исцеление вмиг улетучились. Отощала, с выгнутой спиной, она тупо смотрела на перегородку. До чего же мне бывает страшно, когда корова вперяется глазами в перегородку! Она словно не заметила нашего приближения, и я тут же поставил предварительный диагноз: травматический ретикулит. Проглотила проволоку. Придется ее оперировать, а после моего недавнего подвига в этом коровнике такая возможность меня отнюдь не вдохновляла.

Однако, когда я начал осмотр, привычная картина никак не складывалась. Рубец работал нормально – в моем стетоскопе слышались чавкающие звуки и бульканье. Когда же я ущипнул ее за холку, она не закричала, а только слегка покосилась на меня и снова уставилась на перегородку.

– Худая она что-то, – сказал я.

– Оно так. – Роберт Максвелл хмуро смотрел на корову, засунув руки вглубь карманов. – А почему, ума не приложу. Корм получает самый отборный, а тут вдруг за последние дни начала худеть.

Пульс, дыхание, температура – нормальные. Да, есть над чем поломать голову.

– Сперва я подумал, что у нее колика, – продолжал фермер. – Все норовила брыкнуть себя в живот.

– Брыкнуть в живот?.. – Что-то зашевелилось в глубине моей памяти. Это же один из симптомов нефрита!

И словно в подтверждение моей догадки, корова задрала хвост и выпустила в сток струю кровавой мочи. Я поглядел на лужу позади нее. В крови плавали хлопья гноя, и хотя мне стало ясно, что с ней, меня это не утешило.

Я повернулся к фермеру:

– У нее с почками неполадки, мистер Максвелл.

– С почками? А в чем дело?

– Они воспалены. В них проникла какая-то инфекция. Называется эта болезнь пиелонефрит. Возможно, задет и мочевого пузырь.

Фермер пожевал губами:

– А это серьезно?

Ах, как мне хотелось ответить ему весело – именно ему! Но вероятность смертельного исхода была более чем велика. Просто рок какой-то!

– Боюсь, – сказал я, – что очень серьезно.

– Я прямо так и чувствовал. А помочь ей вы можете?

– Да, – ответил я. – Попробуем смесь сульфаниламидных порошков.

Он бросил на меня быстрый взгляд. Порошки, которые я прописал в тот раз!

– Ничего лучше нет, – торопливо продолжал я. – Прежде такие коровы считались безнадежными, но с появлением сульфаниамидов все переменялось.

Опять этот долгий спокойный взгляд.

– Так, ладно. Чего ж тянуть?

– Я за ней посижу, – сказал я, отдавая ему порошки.

И я за ней следил! Коровник Максвелла видел меня каждый день. Как мне хотелось вылечить эту корову! Но через четыре дня ей не стало лучше, наоборот, она медленно таяла.

Я стоял рядом с фермером, смотрел на ее выпирающие ребра и тазовые кости и все больше погружался в уныние. Она исхудала еще сильнее, а в моче по-прежнему была кровь.

Мысль, что за той трагедией вот-вот последует новая, была мне невыносима, но я знал, что смерти можно ожидать с часу на час.

– Сульфаниламиды кое-как ее поддерживают, – сказал я, – но тут нужно что-нибудь посильнее.

– А есть такое?

– Да. Пенициллин.

Пенициллин. Чудодейственный новый препарат, первый из антибиотиков. Но для инъекций животным его тогда еще не выпускали. В распоряжении ветеринаров были только крохотные, по триста миллиграммов, тубики для лечения мастита. Наконечник тубика вставлялся в сосковый канал, и содержимое выдавливалось внутрь вымени. Все прежние способы лечения мастита этому и в подметки не годились, но ни одной инъекции пенициллина своим пациентам я еще не сделал.

Изобретательность мне свойственна мало, но тут меня осенило. Я пошел к машине, отыскал коробку с двенадцатью тубиками, предназначенными для лечения мастита, и примерил большую иглу к одному из них. Она плотно наделась на наконечник.

Я меньше всего ученый-теоретик, а потому представления не имел, правильно поступаю или нет. Но я вогнал иглу в хвостовую мышцу и принялся выдавливать тубик за тубиком, пока коробка не опустела. Всосется ли пенициллин в этой форме? Откуда мне было знать. Но так или иначе, я ввел его корове, и на душе у меня стало чуть легче. Все-таки лучик надежды.

Я повторял эту процедуру три дня и наконец заметил, что какая-то польза от нее есть.

– Поглядите! – сказал я Роберту Максвеллу. – Она больше не выгибает спину. И словно расслабилась.

Он кивнул:

– Верно! Уже в дугу не гнется.

Я смотрел, как корова спокойно поглядывает по сторонам, время от времени вытаскивая клоч сена из кормушки, и словно слышал невидимые фанфары. Боль в почках явно утихла, а фермер сказал, что моча идет уже не такая темная.

Тут меня словно поразило безумие. Чужа запах победы, я день за днем вгонял и вгонял в корову содержимое моих тубиков. Я не знал, какая доза ей положена, – тогда этого не знал никто, – а потому то увеличивал число тубиков, то уменьшал, но ей неуклонно становилось все лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.